
Полина Змеяд
Барыня-старьевщица
Усадьба с памятью

Полина Змееяд

Барыня-старьевщица. Усадьба с памятью

Серия «Барыня-старьевщица», книга 1

https://litres.ru/73979309
SelfPub; 2026

Аннотация

Трехтомник, завершен.

Оказаться в теле молодой болезненной барыни посреди незнакомой усадьбы – не беда. Беда, что все вокруг считают эту барыню сумасшедшей и слова не дают сказать. Сварливый муж, который сбежал от безумной жены за границу и пишет оттуда такие письма, что врагу не пожелаешь прочесть, – тоже неприятный бонус.

Но ничего, я справлюсь. Мужа встречу таким ласковым словом, что он собственным ядом подавится. Прислугу приструню. И выясню историю усадьбы, которую старые вещи вдруг начали открывать по большому секрету и только мне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	64
Глава 9	73
Глава 10	85
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Полина Змееяд
Барыня-старьевщица. Усадьба с памятью

Глава 1

Осознав, что постепенно просыпаюсь, я повернулась на бок и попыталась забросить ногу на одеяло. Не найдя его край, прекратила попытки и потянулась.

Вчера до самой ночи планировала программу экскурсии по новой выставке в музее. Помню, голова очень сильно болела, но выставка… уже сегодня! Сколько сейчас времени?!

Я испуганно распахнула глаза и начала шарить руками вокруг подушки в поисках телефона. Найти его никак не удавалось, а яркий свет из окна слепил глаза. Значит, точно проспала.

Да где эта мерзкая железка? Когда не надо вечно звенит, а когда надо – не найти. Я же точно заряжала его вчера вечером, почему будильник не сработал?

Когда свет наконец перестал мешать и я увидела кровать, замерла и отдернула руки. Постельное точно было не моим: никогда в жизни не купила бы себе белое – слишком напоминает больничную палату.

Да и большая подушка с кружевами тоже не моя. Я на ортопедической уже лет пять спала: иногда это помогало просыпаться без боли в висках и шее. Но эта… я протянула руку и пощупала, чтобы подтвердить подозрения. Точно, перьевая. И ткань белья плотная, наощупь на натуральную похожа. Хлопок? Перкаль? Бязь? Да черт ее знает, но точно не привычная мне синтетика с бежевыми асимметричными ромбиками.

Я точно не дома. Может, все-таки в больнице? Недаром ведь простыни белые.

Собравшись с силами, подняла глаза и осмотрелась. Комната, будто сошедшая с иллюстрации в учебнике по истории России, поплыла перед глазами, и я рухнула обратно на подушку. Уже с нее продолжала осматривать помещение.

Сначала взгляд зацепился за камин – в юности я всегда мечтала, что в моем доме обязательно будет камин, но в городской квартире настоящий обустроить невозможно, а заменять пошлыми электрическими аналогами не хотелось. Потом – за потрепанные кресла с зеленой обивкой, царапинами на изящной резьбе дерева. Не менее потрепанный жизнью комод с зеркалом на нем и композицией из картин вокруг, которые из-за головокружения и тошноты я толком не разглядела.

Стены покрывали светло-зеленые обои в темную полоску. Хотя нет, не обои: рядом с кроватью висел оторванный клок, и на бумагу он не походил. С трудом приподнявшись на лок-

те, я коснулась стены над кроватью. Точно: ткань.

Я что, уснула прямо в музее? У нас конечно есть экспозиция, которая так и называется – "барская опочивальня" – но она выглядит совершенно иначе. Хотя похоже, конечно. Но разумеется мне бы даже в пьяном бреду в голову не пришло взбираться на кровать, которая в сущности и была главным экспонатом, а заодно единственным действительно старым предметом в той части выставки.

Так где же я?

Оглядевшись еще раз, заметила под стулом у кровати веер. Почему-то захотелось взять его, будто он мог ответить на все мои вопросы. И хоть я понимала, что этот предмет ничем мне не поможет, все равно потянулась за ним.

Кровать оказалась неразумно высокой. Или я ростом не вышла? В любом случае, пришлось упереться рукой в ковер, чтобы подцепить рейку веера пальцами.

Именно в тот момент, когда я тянулась под стул, дверь скрипнула и отворилась. Я повернула голову. Сначала увидела длинный подол коричневой юбки. Побежала взглядом вверх, по затянутой в корсет талии, аккуратно сложенным у живота рукам в тонких перчатках, тощей морщинистой шее, прикрытой кружевным воротником платья, и наконец худому лицу старухи с орлиным носом, цепким взглядом прищуренных глаз и идеальной осанкой.

– Александра Константиновна, немедленно вернитесь в постель! – потребовала тощая и прямая как жердь женщи-

на таким капитанским тоном, что захотелось вытянуться по струнке и крикнуть “Есть!”.

Но мне уже не пять лет, окрики от самоуверенных бабок меня не впечатляют. В сущности, я сама лет через десять уже стану как такая бабка, куда там этой карге меня перекричать?

Так что я взяла веер и неторопливо – даже если бы и хотела поспешить, головокружение не позволит – вернулась на подушки. Женщина… откуда-то я знала, что зовут ее Глафира Никитична – молча наблюдала за моими потугами, поджав губы.

Как только я снова оказалась на кровати, она протянула мне конверт с письмом. Я растерянно взяла, все еще совершенно не понимая, что происходит.

– От супруга вашего, – сухо пояснила она.

– Где я? – не самый умный вопрос, но надо же с чего-то начать прояснять свое положение.

– Как и прежде, в имении батюшки вашего, в вашей опочивальне, – так, будто вопрос показался ей совершенно нормальным, ответила… горничная? Нет, старовата. Гувернантка? Но зачем замужней даме гувернантка? Компаньонка? Да, скорее всего.

Так, стоп. Супруга?

Нет, ну это уже ни в какие рамки. Ладно еще антураж XIX века, к нему я за годы работы в музее привыкла. Внезапное головокружение тоже не новость – со здоровьем в последнее

время появились проблемы. Но муж?!

В каком же беспамятстве я была, чтобы выскочить замуж и даже не запомнить, когда и за кого?

– А что вчера случилось? – держа бумагу так аккуратно, будто она могла прожечь мне пальцы, продолжила расспрашивать я.

– Не помните? – Глафира Никитична вздернула брови, но тут же снова приобрела такой вид, будто мои вопросы совершенно нормальны.

Я помотала головой. И тут же дернулась, когда перед глазами мелькнула волнистая прядь длинных светлых волос.

Я уже лет пятнадцать носила исключительно строгие короткие стрижки – с ними удобнее, да и косы плести в моем возрасте уже как-то несолидно.

Взяла прядь, накрутила на палец, рассматривая необычный цвет. Вроде бы пепельно-русые, как мои, но встречаются и светлые полосы. Как мелирование, только контраст мягче. Да и палец какой-то незнакомый: длинный, тоненький, ногти коротко подстрижены и ни намека на маникюр.

Непорядок! Я на выходных специально сделала себе роскошные ногти: мягкий квадрат, густой бордовый цвет, как раз подойдет к костюму, в котором я планировала вести экскурсии. Получается, три часа в кабинете мастерицы и деньги – на ветер.

Пока я металась, рассматривая то волосы, то совсем молоденькие руки, компаньонка вздохнула, села на край кро-

вати и поправила одеяло. Оно сползло, потому что я уже не лежала, а почти сидела.

– Может и к лучшему, что не помните, – пробормотала она.

– Нет, не к лучшему. Расскажи, – потребовала я, заранее предчувствуя, что информация мне может не понравиться.

Глафира Никитична снова поджала губы. В такие моменты она становилась похожей на строгую гувернантку, и что-то внутри привычно замирало, будто в ожидании отповеди. Которой не последовало.

– Вчера вы письмо получили, без подписи. Прочти его и в огонь бросили. Потом схватились за нож, мебель испортили и ткань на стенах, а потом… – компаньонка говорила все это так привычно, будто я каждый день выкидывала похожие фокусы. – Потом к пруду побежали. Благо Аким, дворник наш, рыбачить вечером пошел. Увидел вас и на берег вытащил.

Как она изящно сказала, что я чуть не утонула. Или чуть не утопилась?

Я напряглась в попытках вспомнить, что произошло, но перед глазами стоял только план экскурсии и таблицы с подсчетами количества воды, дешевого чая в пакетиках, печенья и еще какой-то мелкой дребедени, которую мы предусмотрели для гостей.

– Вы отдохните, Александра Константиновна, а я пока на кухню схожу, велю вам завтрак подать, – компаньонка еще

раз поправила одеяло, и этот заботливый жест совсем не вязался с ее общим строгим и требовательным видом, а потом оставила меня наедине с письмом, которое уже буквально жгло пальцы.

Я опустила взгляд на конверт. Подписанный, само собой: мужу, который пишет жене, нет смысла скрываться. Значит, то письмо, которое я читала вчера, не от супруга и не от других родственников: они бы тоже не стали сохранять инкогнито.

Черт, да о чем я думаю вообще? Все происходящее – какой-то бред, но почему оно кажется мне таким реальным и привычным? Как будто я уже несколько лет живу в этом поместье, каждый день вижу Глафиру Никитичну, изредка получаю вот такие письма и каждый раз при виде конверта с маркой из Греции сердце замирает, будто сейчас мне придется не послание от супруга читать, а есть живую жабу.

Отложив конверт, я решительно поднялась на ноги, но тут же начался очередной приступ головокружения. Я успела лишь заметить цветущий весенний сад за окном, прежде чем пришлось снова опуститься на кровать.

Я постепенно начала понимать, что произошло, хоть и отказывалась в это верить. Хотелось бы объяснить происходящее галлюцинацией, но я довольно часто прежде видела яркие, иногда даже осознанные сны, и ни один из них не мог похвастаться такой детализацией. Ни в одном я не могла почувствовать ни плотной ткани под рукой, ни гладких реек

веера, ни увидеть мелких царапин на мебели, и уж точно не испытывала головокружения.

Это значит, что я попала. Как героини тех книг, которые я в последнее время читала.

Забавно было погружаться в мир, который описывали талантливые авторы с удивительной заботой об исторических деталях: одежде, еде, обстановке и быте дворянских квартир и домов. Перед сном воображать и себя хозяйкой такого вот поместья, да еще и при красавце-муже, которому не прочь и детей родить. Но одно дело – книжки, и совсем другое – все это.

Я снова покосилась на поцарапанную мебель, на клок тканевых обоев, на порванный веер, который отложила, чтобы взять письмо. По коже пробежали мурашки, я попыталась глубоко вдохнуть, и легкие начало жечь.

Кажется, компаньонка не лгала – я в самом деле утонула. Вернее, Александра Константиновна утонула. А я? Что случилось со мной? Давление все-таки доконало и я умерла прямо в кабинете музея?

Эта мысль должна была опечалить, но я почему-то рассмеялась. Всегда жалела, что в египетском зале нет ни одной мумии. Теперь есть, хоть и не в египетском зале. Я за последнее время покрылась морщинами не по годам, да и кожа пожелтела. Заверни в бинты, положи в саркофаг – никто и не заподозрит, что новодел.

Я посмотрела в сторону зеркала на комоде: все же любо-

пытно узнать, как я теперь выгляжу. Но вставать еще раз не решилась: вдруг грохнусь посреди комнаты, разобью голову и помру второй раз, едва ожив?

Что ж, раз подняться не могу, значит буду делать то, что в моих силах: ждать еду и читать письмо.

Стоило вспомнить о нем, в груди что-то содрогнулось. Страх казался чужим, но ощущала я его во всех подробностях: он липким холодом жабьих лап сдавливал грудь.

Да что там, в этом письме, в конце концов?!

Глава 2

Ножа для писем под рукой не оказалось, пришлось поддевать бумагу пальцем, чтобы открыть конверт. Прежде чем прочесть довольно лаконичное письмо, я на миг залюбовалась почерком: четкий, аккуратный и без излишеств, но изящества ему придавала разница в толщине линий: те, что шли вниз, были толще, те что вверх – тоньше, и их сочетание создавало эффект кружева или скорее паутины на листе. Чтобы так писать, рука должна быть очень точна.

“Дорогая моя во всех отношениях супруга, Александра Константиновна”, – прочла я первую строчку и подавилась воздухом.

Это он так намекает, что содержание его жены могло быть и подешевле?

Уже начиная понимать, почему при виде письма все в груди скрутилось в тугой узел, я продолжила читать.

“Два года разлуки с вами тянулись для сердца и ума моего мучительно, ибо сердце скорбело о душевном здоровье вашем, состояние которого, как сообщают мне, неуклонно ухудшается, ум же возвращался ко дню свадьбы нашей в непрестанных думах о том, нельзя ли было обоих нас избавить от этого страдания. Увы, по причине благородного порыва моего мы с вами по-прежнему связаны, и встретимся скорее, чем мне – и вам, я уверен – хотелось бы.

Я прибуду в имение покойного вашего батюшки к середине лета, быть может, недели через две после того, как вы прочтете мое последнее письмо из Антиквы. Не питаю иллюзий на счет скорости местной и нашей почты, а потому мне остается лишь уповать, что сколько бы ни было у вас времени до моего скорого возвращения, вам хватит ума и воли собраться с силами, чтобы встретить меня и моих гостей как полагается, и не посрамить честь нашей (знаю, вас ранит об том напоминание, но все же нашей) древней графской фамилии. Не будучи уверен, что вам по силам эта задача, вынужден напомнить вам, дорогая супруга, что в случае ухудшения здоровья вашего – мнимого или действительного – у меня не останется другого пути, кроме как предпринять тягостный для нас обоих последний шаг: препоручить вас заботам специалистов в закрытом благородном заведении.

Со всеми благими пожеланиями, буде они вам полезны, супруг ваш, Игорь Павлович".

Прочтя письмо, я тут же вернулась к первой строчке и перечитала заново. Поначалу думала, что мне показалось, но на второй раз убедилась: если это письмо выжать в графин, то целую роту отравить можно. Еще и угрожал в конце: "если не образумишься, сдам в дурдом" – буквально гласило последнее предложение.

Сковородкой тебя по роже встретить надо – только этого ты и достоин!

Найти перо и бумагу, и написать этому до безумия любя-

щему супругу все, что я о нем… Хотя нет. Он же сказал, что письмо придет незадолго до его приезда, поэтому ладно, так и быть: дождусь. Денно и нощно буду бдеть со сковородкой и ласковым словом, чтобы не пропустить явление этого змия народу.

Угораздило же попасть! Бывший муж ультиматум поставил: или ты моя жена и хозяйка в доме, или иди и занимайся "своими этими глупостями", но без семьи. А "глупостями", между прочим, были годы учебы, реставраторской практики, уважение коллег, перспективы и главное – не просто работа, а любимая работа. Ее я и выбрала. Потом жалела, конечно, но не настолько сильно, чтобы искать новые серьезные отношения.

И тут пожалуйста, еще один такой же кадр: либо веди себя тихо и сиди тише воды - ниже травы, либо сдам в психушку. Что же мне так с мужиками-то не везет?

Я подавила желание порвать письмо и сунула его под подушку. Когда сил не останется, буду перечитывать, напитываться первобытным гневом и еще сильнее вцепляться зубами в дело – неважно, какое.

Как раз к тому моменту, когда я убрала с глаз долой конверт и почувствовала, что голодна, дверь в комнату снова открылась. Сначала я увидела большой поднос, нагруженный множеством тарелок, а уже потом – низкорослую девчушку лет тринадцати, которая, пыхтя, тащила его.

Кое как доперев свою ношу до кровати, девучшка водру-

зила ее на стул, едва не уронив. Я дернулась ей помочь, но голова снова противно закружилась. Да что ж такое-то? Может я не только тонула, но меня перед этим еще и по затылку кто-то приложил?

– Пожалуйте, барыня, – девчонка поклонилась и прежде, чем я успела ее хорошенько разглядеть, выскочила за дверь.

Я оглядела поднос. Плашка с творогом, отдельно маленькая – с вареньем. Чашка с кофе – судя по запаху, довольно приличным – и несколько неровных кусочков сахара рядом со специальными щипчиками для него. Стопка блинов, политая медом, и – будто одним этим нельзя питаться сутки – тарелка с овсяной кашей.

Ладно бы все это на стол для гостей ставили, но не многовато ли для одной барыни?

Я отбросила одеяло и осмотрела собственное тело. По большей части его скрывала белая кружевная сорочка до щиколоток, но и сквозь нее прекрасно видно, что фигура у Сашеньки, то есть теперь уже, видимо, у меня, очень даже миниатюрная. Такая, будто ее тут вообще голодом морят. Даже синие венки на белых руках видно, и ступни такие маленькие, что кажется, на них вовсе невозможно стоять.

Нет, я тоже никогда не считала себя толстой, но и к разновидности тонкокостных эльфиек не относилась. Нормальной была, здоровой. Новая же худоба выглядела хоть и красиво, но сомнительно. Или даже подозрительно.

Может, оно и к лучшему, что меня решили нормально на-

кормить?

Живот заурчал, напоминая, что одними размышлениями сыт не будешь, и я переставила поднос прямо себе на колени, перед этим снова прикрыв их одеялом.

Проигнорировала сахар, воздала должное отличному кофе, толстым блинам, которые больше напоминали панкейки и оказались таким мягким, что таяли во рту, вишневому варенью и меду. Но с творогом отношения не сложились: ничего не подозревая, я зачерпнула целую ложку и отправила в рот, но он тут же чуть не полез из горла обратно.

Да уж, это тебе не магазинное зерно, в котором на упаковке заявлено два процента жирности, а на деле хорошо, если полтора есть. Настоящий, домашний творог, густой, мягкий и жирный. Слишком жирный и на мой, и – по всей видимости – на Сашенькин вкус.

Немного повременив, я попытала удачу снова, на этот раз проглотить еще одну ложку творога удалось с меньшим трудом. Ничего, может когда-нибудь привыкну: надо же как-то откормить это тощее недоразумение.

Не съев и трети того, что мне подали, поняла, что еде один кусочек – и лопну. Отставила поднос обратно на стул и снова осмотрелась. Комната не изменилась: все та же потрепанная мебель и клок обоев, томно свисающий вдоль стены.

Итак, что мы имеем: тело молодой барыни, которая не то утопилась, не то ей помогли утопиться; язвительный муж, который вернется неизвестно когда, но скорее всего совсем

скоро; истерзанная мебель – дело рук, вероятно, самой Александры. Если верить словам мужа и учесть, с каким спокойствием компаньонка отвечала даже на самые идиотские вопросы, обладательница моего тела действительно была не в себе. Или старательно притворялась. Хотя сомневаюсь, что притворство довело ее до идеи броситься в воду. Значит, все-таки болела.

Я прислушалась к себе, но ничего, кроме легкого шума в ушах не ощущала. Однако стало страшновато: что если сумасшествие Сашеньки унаследовала я? Хоть муж – пропади он пропадом – писал, что болезнь моя "душевная", но я-то понимаю, что если Анастасия действительно болела, то связано это с ее мозгом. То есть, теперь уже с моим.

Пока что внезапного желания крушить все вокруг или странных галлюцинаций я не замечала, и решила раньше времени не волноваться. Но от злости избавиться не удалось: девочка действительно страдала, вышла замуж не по любви, и ее муж вовсе не потрудился скрыть, что для него этот брак тоже нежеланный. Может, на почве нервов, а может из-за наследственности она повредилась рассудком, но вместо помощи получает от "дорогого супруга" только упреки и требования. Неудивительно, что она так боялась его писем: сдается мне, в каждом было что-нибудь такое, от чего хотелось то ли удавить мужа, то ли удавиться самой.

Картина постепенно вырисовывалась понятная, вот только оставалось на ней белое пятно: письмо, которое Анаста-

сия прочла, затем сожгла. То самое, которое могло спровоцировать ее гибель и, как ни странно это признавать, позволить мне, окочурившись в родном музее, занять ее место.

Размышляя, я неосознанно взяла веер и начала водить пальцами по его каркасу. И лишь спустя пару минут заметила, что он состоит не из дерева металла, а из кости.

От удивления даже забыла о злости на мужа и развернула аксессуар, чтобы рассмотреть получше. Полотно оказалось порвано почти вдоль, но на нем все еще угадывался узор: стайка птиц улетала вдаль по рассветному – или закатному, кто его разберет – голубому с розоватым отливом по низу небу. В простых и изящных линиях птиц угадывалась китайская живопись или крайне удачная подделка под нее. Рейки же веера, все костяные, украла резьба в виде ветвей сакуры.

Стало даже жаль такую красивую вещь. Я провела по боковой рее пальцем, повторяя резной узор, и вдруг в ушах раздался женский крик, переходящий в визг.

“Ненавижу тебя! Ничего мне от тебя не нужно!”

Глава 3

От неожиданности я взвизгнула, как дура, и отбросила веер. Он стукнулся о кровать и свалился обратно на пол. Сердце колотилось в груди как бешеное, дыхание сбилось, хотя я вовсе ничего не делала. Только что думала о возможном сумасшествии и вот, пожалуйста, со мной уже веер разговаривает!

Только теперь осознала, что еще и зажмуриться успела, открыла глаза и огляделась по сторонам. Вокруг по-прежнему никого. Вдохнула. Пахло свежими простынями, но в комнате уже стало душновато из-за солнца, которое, преломляясь сквозь мутноватое оконное стекло, оставляло на ковре большой светлый след.

Прислушалась к мыслям, но ничего подозрительного в собственной голове больше не заметила.

Может, это последствия шока?

Чтобы отвлечься, снова попыталась подняться с кровати. Комната ожидаемо поплыла перед глазами, но ничего, мне не впервой. Оперлась на резную деревянную спинку кровати, подождала, пока перед глазами перестанут прыгать черные пятна, и сделала шаг к окну. Голова больше не кружилась, так что я добралась до него и потянулась к форточке. Да так и осталась стоять с протянутой рукой, таращась наружу.

С кровати я видела, что за окном какой-то сад, но сейчас,

любуясь на едва распустившиеся весенние листья на деревьях, поразилась его красоте.

Когда-то здесь высадили ивы так ровно, будто по линейке. Между двумя по-армейски стройными рядами деревьев бежала дорожка из светлого камня. Она вела к красивой белой беседке, которая возвышалась на холме над прудом так далеко, что я едва видела ее.

За садом не так уж хорошо ухаживали: то ли не считали нужным, то ли рук не хватало. Поэтому природа отвоевывала свое пространство у геометрической правильности посадки, оплетала стволы деревьев вьюном, вносила хаос в упорядоченные ряды деревьев кустами, которые красовались в самых неожиданных местах, и оживляла трещины в камне дорожки травой. Оттого сад выглядел захватывающим. И огромным.

Опомнившись, залезла на окно и дотянулась до форточки. Провозилась со щеколдой, которую немного заклинило, и впустила в комнату свежий воздух.

Прохладный ветер приподнял полы сорочки, пощекотал кожу, и я поспешила слезть с окна, чтобы не получить простуду в такое прекрасное, но коварное время года.

Голова снова закружилась и я решила пока вернуться в кровать, но по пути остановилась возле веера. После секундного колебания подняла его, и никаких подозрительных звуков больше не слышала. Успокоенная этим фактом, завалилась поверх одеяла и вытянула ноги.

Веер все же будоражил любопытство. Он казался инородным в этой русской комнате, так же как инородным бы смотрелся апельсин на яблоне. Я снова взяла аксессуар и развернула, разглядывая порез на ткани.

Жаль такую красивую вещь. Если я теперь знатная дама, значит должен быть у меня набор для вышивания? Если осторожно, то можно будет починить. Рейки-то не пострадали, только ткань.

“Ненавижу тебя! Ничего мне от тебя не нужно!” – снова заверещало в голове.

На этот раз я успела побороть страх и вцепилась в веер крепче. Зажмурилась, повторяя себе, что галлюцинации не могли бы повториться с такой точностью.

Перед глазами тут же встала странная картина, будто подернутая утренним туманом: просторная гостиная, залитая слабым светом, рука мужчины, обожженная ударом, и хлопок – такой же, с каким веер только что упал на ковер.

“Александра, будь благоразумна!” – хорошо поставленный голос с легкой хрипотцой будто пытался успокоить. – “Обещаю, ты не будешь ни в чем знать нужды”.

“Ненавижу! Не хочу! Пожалуйста...” – рыдала девушка, и я наконец начала узнавать в ее криках свой новый голос, хоть и порядком охрипший.

“Возьми себя в руки и поступи так, как полагается дворянке. Я обещал твоему отцу, и ты тоже ему обещала. Будь добра держать слово”, – голос мужчины стал жестче, но не

настолько, чтобы напугать.

“Но в моем сердце другой!” – всхлипнула девушка, будто это было ее последним и самым главным аргументом.

Мужчина немного помолчал. Меня бы на его месте задели эти слова, но он продолжил говорить спокойно.

“Хорошие браки редко заключаются по любви, твоему отцу это прекрасно известно. Я не могу требовать, чтобы ты питала ко мне какие-либо чувства, и не испытываю иллюзий по этому поводу. Мне будет достаточно, если ты исполнишь свой долг”.

Девушка снова разрыдалась. Она пыталась еще что-то сказать, но слезы душили ее, не давая связать и нескольких букв.

Ее плач затихал вдали, пока наконец не прекратился вовсе. Немного помедлив, я в растерянности открыла глаза.

То, что я видела, на бред никак не походило. Слишком связная и понятная, и слишком горькая сцена, чтобы быть обычным плодом воображения. К тому же, она отзывалась в груди застарелой болью.

Может ли быть, что это воспоминания Александры, тело которой я так беспардонно заняла? Или…

Я склонила голову, снова разглядывая веер.

– Ты мне это показал? – сама себе не веря, спросила я.

Веер естественно промолчал.

Вот дура! Пять минут в теле сумасшедшей, и уже разговариваю с антикварiатом. Нет, я и в музее, бывало, поступа-

ла так, но исключительно ради шутки и находясь в полном адеквате. Честное слово!

Все-таки, наверное это просто болезненные воспоминания Сашеньки. Нежеланный жених, который в таком тоне требует исполнения долга и обещает, что она ни в чем не будет нуждаться. А потом укатывает за границу и пишет оттуда такие письма, что хочется затолкать их ему же в глотку, чтобы подавился собственным ядом, змий!

Бросив очередной взгляд на веер, я поняла, что прямо сейчас починить его не смогу: слишком сильна оставалась боль, которая впилась в сердце буром. Появилось чувство, будто я растревожила старую грязную рану, которая и без того болела, но за годы затянулась хоть кое-как. Теперь же она кровоточила снова, почти физически мешая дышать.

Нет, ну это невозможно! Надо отвлечься.

Оглядевшись, я заметила у кровати колокольчик. Рассудив, что с его помощью можно позвать прислугу, позвонила. На звон явилась та же девчушка, которая приносила еду.

– Помоги одеться, – потребовала я и, собравшись с силами, снова слезла с кровати.

На этот раз даже не покачнулась, хоть голова и закружилась снова.

Да что же все-таки со мной такое?

Служанка поклонилась и замерла в ожидании, а я пощупала рукой затылок. И наткнулась на огромную шишку, которая заболела, стоило лишь коснуться ее кончиками паль-

цев.

Интересно, она появилась при падении в пруд или кто-то сначала приложил Сашеньку по голове, а потом бросил в воду и убежал? А слуги приняли все за очередную безумную выходку барыни.

Девчушка продолжала ждать, и я сообразила, что в гардеробную, наверное, должна пойти первая. И выбрать платье, которое хочу надеть.

При мысли о платье вспомнились и корсеты, и я поморщилась, но все же направилась к двери.

Однажды мне приходилось мерить пыточное устройство под названием "вечернее платье" с корсетом. Еще и поработать в нем умудрилась. В то время я едва закончила университет и в музее была младшим сотрудником на побегушках. Во время очередного мероприятия директриса решила, что обрядить меня в платье и выставить возле фотозоны в качестве примера элегантной дамы времен XIX столетия – отличная идея. Сейчас я бы послала кого угодно с такими инициативами, но тогда мне нужна была работа. Вот я и терпела пять часов в тяжеленных юбках и почти лишенная возможности нормально дышать.

Задумавшись, я едва не стукнулась лбом о дверцу шкафа и раскрыла его со священным ужасом. Однако к своей огромной радости обнаружила внутри целую коллекцию платьев в стиле ампир: завышенная талия, рукава-фонарики, светлые оттенки песочного, розового, голубого и сиренево-

го, и – самое главное – никаких корсетов.

Прекрасно!

Выбрала голубое и дождалась, пока служанка вытащил из комода остальное белье: веселенькие панталончики и тонкую рубашку с широкими лямками вместо рукавов. Все кружевное – в лучших традициях времени. Но главное – ткань натуральная и оказалась крайне приятной, когда я облачилась в нее. Так что я даже простила этому белью идиотский фасон.

Пока служанка одевала меня, я не видела ее лица, но к тому моменту, когда она принялась завязывать пояс вокруг моей талии, наконец заметила, что ее руки уже трясутся так, что вот-вот выронят ткань.

– Дай ка сюда, – я перехватила у нее кушка и сама обернулась им, завязывая за спиной. – Можешь идти.

Девчонка, будто только и ждала этих слов, выскочила за дверь. Она что, меня боится? С трудом верится, что Сашенька была жестокой и лупила прислугу. Хотя – как знать?

Закончив с нарядом, я перебралась в будуар и осмотрела его. Ничего особенного, для такого места вполне классическая обстановка: деревянный диванчик с резной спинкой, еще несколько покрытых чехлами кресел, большой шкаф с коллекцией платьев, которые я уже любила за одно только удобство, большое зеркало на пухлых ножках. И снова – царапины на деревянной мебели, дыры в тканевых обоях и на занавесках.

Я едва по лбу себя не хлопнула, осмотрев этот беспорядок. Еще вчера барыня с ножом носилась по комнате, кромсая все, что попадалось на пути. Естественно слуги сегодня от нее шугаются: они ведь даже отпор толком дать не могут.

Но что тут поделать? Испорченную репутацию не исправишь в одночасье.

Чтобы отвлечься, я подошла к зеркалу, рассматривая наконец как следует новое обиталище.

К моему легкому разочарованию, оно оказалось ничем не примечательным. Миловидное личико, но не писаная красавица: губы тонковаты, на носу едва заметная горбинка, глаза серые и взгляд вовсе не кажется глубоким. Волосы обычные, русые, разве что пряди другого оттенка придают им хоть какую-то изюминку. Еще и синяки под глазами, словно я недавно из могилы восстала, довершают картину. Зря я выбрала синее платье: с ним кожа приобрела еще более бледный – едва ли не мертвенный оттенок. Но переодеваться уже лень.

О том, что мое новое тело болезненно-худое, я уже и так успела узнать, но не подозревала всех масштабов катастрофы: девушка, которая устало смотрела на меня из зеркала, выглядела не просто голодной или измотанной, а изможденной, доведенной почти до крайности. И – как ни прискорбно признавать – явно нездоровой.

Неужели нервы могут довести человека до столь ужасного состояния? Но чтобы так исхудать и обзавестись такими

синяками здесь, на свежем воздухе и при отличном питании, как же сильно надо страдать?

Мне захотелось обнять девушку, что смотрела на меня потухшими серыми глазами, и я обхватила плечи руками.

Все будет хорошо, малышка. Где бы теперь ни был твой дух, я позабочусь о том, чтобы он был спокоен. И чтобы никто из тех, кто довел несчастную до такого состояния, не ушел безнаказанным. В первую очередь – муж.

Опустив взгляд, я заметила под зеркалом слабый блеск металла. Нагнулась и подобрала с пола предмет, назначение которого с первого взгляда затруднилась определить. Это нечто выглядело как узкая полоска кружева из металла, настолько виртуозно выкованная, что я даже не сразу заметила заточку с одной стороны.

Нож для писем! Так вот почему его не было в комнате: Сашенька бросила его здесь.

Взглянув на лезвие, я еще раз осмотрела комнату. Может ли быть, что девушка устроила такую разруху всего лишь этим маленьким ножом?

Задумавшись, я не заметила, как скрипнула дверь. И обернуться не успела, прежде чем компаньонка, заметив меня грустную и с оружием в руке, бросилась мне в ноги.

– Не надо, барыня, пощадите хоть себя! – закричала она и обняла мои колени так крепко, что я едва не свалилась.

Сердце ухнуло вниз. Не от страха, а от понимания: меня здесь считают абсолютно недееспособной.

Глава 4

– Отпустите меня и поднимитесь!

Я так разозлилась, что сказала это жестче, чем следовало.

Глафира Никитична вскочила, на ее лице за мгновение друг друга сменили испуг, гнев и любопытство. Но вскоре она овладела собой и даже натянула на лицо улыбку.

– Я рада, что вы сейчас в добром рассудке. Отдайте мне нож, – сказала она, протягивая ладонь.

Ну точно, меня тут держат за полную идиотку.

– Я сама верну его на место, вам незачем суетиться, – я поспешила отойти от компаньонки, пока она снова не бросилась мне в ноги, и положила нож на маленький столик, где стопкой лежали еще несколько вскрытых писем. Судя по маркам из Греции – или, как тут говорили, из Антиквы – тоже от мужа.

Надо будет их прочесть, но сейчас я не хочу видеть ни строчки, написанной его рукой: еще не отошла от предыдущего послания.

– Я хочу прогуляться по дому, составите мне компанию? – поспешила перевести тему, пока компаньонка не заподозрила, что я оставляю тут нож, планирую очередную безумную выходку в будущем.

Глафира Никитична недовольно поджала губы.

– Не думаю, что для вашего здоровья это полезно. Я бы

рекомендовала вам не покидать комнату еще пару дней. Хотите, принесу вам журналы? Они пришли вместе с письмом от барина с утренней почтой, – сказала она так уверенно, будто не сомневалась, что я подчинюсь и останусь в комнате.

– Мне надоело тут сидеть, хочу размять ноги. Если почувствую себя плохо, сразу вернусь отдыхать, – продолжила настаивать я, пока что не переходя черту грубости.

Глафира Никитична сверкнула недовольным взглядом, но снова быстро вернула на лицо равнодушное выражение. Впрочем, и коротких мимических упражнений на ее морщинистом лице мне хватило, чтобы понять: я веду себя совсем не так, как обычно.

Не дожидаясь одобрения, в котором по сути и не нуждалась, я шагнула к двери. Компаньонка не стала меня останавливать, и этого вполне достаточно. Даже потащилась вслед за мной, когда я медленно пошла по проходным комнатам, рассматривая дом.

Из будуара я попала в просторную гостиную, всю мебель в которой покрывали пыльные белые чехлы. Отсюда я могла попасть в кабинет и вторую господскую спальню за ним или в другую комнату пока неясного назначения. Выбрав второй вариант, остановилась посреди помещения и долго пыталась понять, для чего оно предназначено. Мебель здесь тоже убрали под чехлы, и только увидев в углу очертания тафель-клавира, наконец поняла, что гостиная на самом деле эта. Далее – прихожая с парадными дверьми, лестницей на

второй этаж, где теоретически должны жить слуги, и дверью в коридор, который – как я откуда-то знала – ведет к выходу на задний двор.

Заглянула в сторону столовой, которая находилась слева от парадного, но и там не увидела ничего, кроме покрытых белым тряпьем столов и стульев. Подошла к одному из них и сдернула ткань, подтверждая свои подозрения: мебель покрывали такие же царапины, какие я уже видела в своей спальне и будуаре.

– Александра Константиновна, вам незачем на это смотреть. Вы и так едва-едва оправились, – компаньонка, которая прежде молча следовала за мной, выхватила у меня из рук ткань и набросила ее на стул, закрывая повреждения от моего взгляда. – Не волнуйтесь. Скоро продадим это старье и купим новую мебель. Она уже заказана, – затараторила она, мягко подталкивая меня в сторону выхода.

Я не стала сопротивляться, тем более что осмотреть сад и пруд мне тоже хотелось. Вот только назойливое внимание Глафиры Никитичны начало порядком раздражать.

Натянув на лицо слащавую улыбку, я повернулась к пожилой даме.

– Графира Никитична, простите, что утруждаю просьбой, но не могли бы вы сходить на кухню и узнать, что подадут на обед? Вроде бы я и позавтракала совсем недавно, но снова голодна. А я пока пройдусь по саду и скоро вернусь, – пропела я, изображая прямо таки ангельскую кротость.

Старуха окинула меня внимательным взглядом и кажется не заметила ничего подозрительного.

– Как изволите, барыня. Пойду потороплю дворню, – и ушла, наконец оставив меня в одиночестве.

Я провела руками по белой ткани, покрывающей мебель. В воздух взвилось облачко пыли. Если Сашенька разгромила и эту мебель, то случилось это явно не вчера.

Отогнула край тряпки и снова посмотрела на борозды. Глубокие, резкие. Неужели худая рука девушки в самом деле могла нанести такие на плотное дерево, да еще и ножичком для писем?

Я конечно слышала, что люди в экстремальных ситуациях способны на самые разные поступки, но все же чувствовала себя слишком слабой для таких подвигов.

Для чистоты эксперимента проверила еще несколько стульев, и на каждом обнаружила длинные борозды. Проверила и кресло в углу комнаты: на нем тоже виднелись следы. Правда, как и в моей спальне, пострадали только деревянные части мебели. Обивка оставалась целой.

Странно. Очень странно. Если Сашенька и правда носилась по дому с ножом, уничтожая мебель, почему ее никто не остановил? Допустим, боялись перечить барыне. Но почему она била только по дереву? Загадка. Может, ко мне вернется еще какое-нибудь воспоминание, которое прольет на нее свет?

Я еще раз провела пальцем по порезам. В сущности, во-

все не обязательно продавать из-за них мебель. Восстановить не так уж и сложно: отшлифовать места повреждений, залить трещины крашеным воском, отшлифовать, отполировать. Вот и весь ремонт.

Правда, воск – это наверное дорого. С другой стороны, его тут не так уж и много понадобится: на каждом из стульев, что я видела, не больше двух-трех царапин. Конечно, если пострадала мебель во всем доме, придется запастись материалами, но это ведь наверняка дешевле, чем полностью менять мебель, разве нет?

Я огляделась и заприметила на подсвечнике оплавленный огарок. Прикрыла царапины на мебели и потрогала воск пальцами. Натуральный, запашистый, светлый и мягкий. Допустим, правильный древесный цвет ему можно придать ореховой шелухой или дубовой корой, но он слишком податливый. Сгустить бы чем-нибудь, иначе не затвердеет, как надо.

Чем бы? Желатин тут есть? Или хоть рыбий клей на кухне? Хотя не знаю, подойдет ли он. С другой стороны, с заливным и густым киселем он справляется почти как желатин, так почему бы и в воск не добавить?

Я с сомнением покосилась на кресло и аккуратно провела рукой по резной ручке, скрытой от глаз белой тканью.

– Не волнуйтесь, красавчики и красавицы, я не позволю избавиться от вас так просто.

Попробуй на маленькой порции воска и на кресле в сво-

ей спальне. Если получится, можно и с остальными поработать. Главное, не привлекать внимание санитаров… в смысле, слуг и компаньонки своими действиями. Хотя бы поначалу.

Я взяла со стола белую салфетку – такую же пыльную, как и все вокруг – и собрала в нее огарки воска с подсвечника. По пути обратно в будуар нашла еще несколько остатков свечей, так что в результате материала получилось даже с избытком.

Оставив добычу в спальне, я поспешила во двор. Допустим, воск я замешаю, но понадобится ведь еще и лак. Хорошо, если что-то для починки есть в усадебных запасах, но если нет, можно растопить тот же воск с маслом – желательно льняным, но уж как получится – и водой. Покрытие будет почти прозрачным и матовым. Хуже, чем современная мне химия, но эта смесь должна справиться. Теоретически.

Еще раз взглянув на пострадавшее от неизвестной руки дерево, я крепко запомнила его цвет – темный, насыщенный древесный – и поспешила в сад. Ожидала, что Глафира Никитична поймает меня где-нибудь по пути, но она куда-то пропала. Зато с кухни доносился грохот посуды и оживленные голоса.

Заинтригованная, я решила выйти наружу попозже и направилась на звуки.

В кухне компаньонки уже не было, зато мальчишка и две девушки на вид чуть постарше него суетились под руковод-

ством низкорослого и широкого бородатого мужика.

– Ты – морковку нарезай, только тоненько. Ты – еще воды принеси. А ты мешай, не отвлекайся, – командовал мужик, размахивая ложкой, как дирижер палочкой.

Повар, надо полагать.

Заметив в кухне хозяйку, мужчина тут же скользнул взглядом к моим рукам, и обнаружив, что они пусты, облегченно выдохнул.

Они что, правда тут всей толпой боятся хрупкую женщину, которая гуляет по усадьбе с ножом? Жуть какая.

– Вам бы лучше на свежий воздух, барыня. Обед через часик уж подадим вам как обычно, – пропыхтел он. – Глафира Никитична все нам передала, исполним в лучшем виде.

– Что передала?

Я только послала ее спросить, как скоро обед и из чего он будет состоять.

Повар на секунду растерялся, но быстро просветлел лицом и широко улыбнулся.

– Так то, что на поправку вы идете, и что аппетит у вас проснулся, – отчитался он, но как-то слишком уж торопливо.

Ладно, пока сделаю вид, что поверила.

– На кухне есть желатин? – спросила я, оглядываясь.

В целом чисто. Скобленый пол и столы, порядок среди мешков с овощами и бочек у дальнем углу. Старая и застиранная, но чистая одежда на прислуге. Ничего из тех баек о “грязном средневековье”, которыми пугают доверчивых зри-

телей не слишком образованные авторы научпоп-контента.

Повар удивленно уставился на меня.

– Вы уж простите, барыня, но я по-французски не разумею, – наконец выдал он.

Ясно, значит до желатина тут еще не доросли.

– Я говорю, клей рыбий тут найдется? – снисходительно пояснила я.

– Да как же не найтись, есть конечно! – обрадованно закивал мужик. – Киселя желаете, али холодец поставить?

– Нет. После обеда мне понадобится маленькая плашка этого клея и плита, – я посмотрела на дровяную плиту с чугунным настилом. – Как с обедом закончите, поддержите в ней жар, но не слишком сильный.

– Как изволите, – кивнул повар с непроницаемым лицом, на котором читалось “барыня опять чудить изволит, и вовсе она не здорова”.

Да и ладно! Пусть радуются, что с ножом по усадьбе не прыгаю.

Разобравшись и со вторым ингредиентом раствора для заливки трещин, я наконец вышла в сад. Оставалось только добыть краситель.

– Александра Константиновна, что вы себе выдумали? Немедленно вернитесь в будуар, ради вашего же блага! – закричал кто-то справа, когда стоило мне выйти за дверь.

Я так удивилась, что даже разозлиться на успела. Только обернулась и заметила, что из галереи ко мне спешит высо-

кий худой мужчина лет пятидесяти на вид, почти лысый, но с богатыми седыми бакенбардами. За ним семенила Глафира Никитична, с надеждой поглядывая на мужчину.

Ее я не послушалась, и она побежала за тем, кто, по ее мнению, может меня приструнить? Значит, начинаем второй раунд борьбы за дееспособность.

Глава 5

Я выпрямилась и спокойно взглянула на… что это за старик, кстати? Я не могла припомнить его имени ровно до тех пор, пока он не приблизился, сверкая грозным взглядом, будто он мой родной отец.

Может, в самом деле отец?

Я присмотрелась еще раз, и наконец вспомнила: отец умер спустя пару месяцев после моей свадьбы, а этот мужчина работал у него управляющим уже больше двух десятков лет. Сашенька считала его кем-то вроде дядюшки, хоть формально родственником семьи он не был.

– Доброго дня, Владимир Анатольевич, – я вежливо улыбнулась старику, стараясь показать, что нахожусь в полном душевном здравии.

Но похоже, именно моя вменяемость его и напугала. Он замер, не дойдя до меня и нескольких шагов. Поправил пенсне и прищурился, внимательно меня разглядывая. Я отвечала ему не менее внимательным и спокойным взглядом.

– А я-то вам не поверил, Глафира Никитична, – покачал головой старик. – Сашенька, вам и правда кажется, будто чувствуете себя лучше?

Меня на миг озадачила резкая перемена тона с приказного на ласковый, но вскоре я догадалась: этот человек наверняка привык, что Сашенька, находясь в затуманенном разу-

ме, боится его, словно ребенок. Наверняка раньше строгие окрики от него и компаньонки безотказно на нее действовали. Но не сегодня, и судя по напряженным взглядам, обоих стариков это пугает куда больше, чем барыня с ножом.

– Почему же кажется? Мне в самом деле стало лучше. Быть может, купание пошло на пользу. А может, страх вернул меня в чувство, – ответила я.

Управляющий нахмурился, компаньонка сжала тощими пальцами платок, который комкала в руках так, что на ткани уже появились сильные заломы.

– Именитые врачи полагают, что у людей, которые долго болеют, могут иногда случаться улучшения, которые, однако, говорят о скором усугублении состояния в будущем. Мы с Глафирой Никитичной конечно надеемся, что с вами так не случится, но вам бы, барыня, поберечь себя. Давайте я провожу вас, – старик почти сюсюкался со мной, будто с малым ребенком, и подбирался ближе.

Когда управляющий попытался взять меня под локоть, я аккуратно отступила, не позволяя дотронуться до моей руки. Пришлось приложить много усилий, чтобы не шарахнуться истерично, а двигаться с достоинством. Это в прошлом теле я давно уже приучилась не спешить и не суетиться. Новое же, молодое, отзывалось на указания мозга с куда большей живостью.

– А еще именитые врачи говорят, что стресс способен как вогнать человека в тоску, так и напротив, подействовать на

него бодряще, – возразила я, запоздало подумав, что барыне, которая провела в беспамятстве, может, несколько лет, неоткуда об этом знать. Поэтому запоздало добавила: – Или, как мужики говорят, клин клином вышибают.

Управляющий и компаньонка переглянулись. Методы контроля, которые они обкатывали на Сашеньке в последние годы, сегодня определенно дали сбой.

– Но даже если вы правы и мое улучшение временно, а после него я окончательно впаду в беспамятство, так будьте же милосердны и дайте мне провести последние дни светлого ума не запертой в спальне, – добавила я, закрепляя успех.

– Что вы, барыня, какие же последние дни! – всплеснула руками Глафира Никитична. – Вы вон и посвежели после завтрака, а после обеда и еще краше станете.

– Благодарю. Думаю, прогулка на свежем воздухе поможет разыграться аппетиту, – я улыбнулась обескураженным старикам и двинулась к широкой лестнице.

Они меня не останавливали, но я чувствовала на спине их внимательные взгляды. Наверняка они оправятся от первого шока и попытаются найти другие способы запереть меня в спальне, но сейчас они отступили. Так что я выпрямила спину и вздернула подбородок, хоть голова и слегка закружилась на лестнице.

По правую и левую стороны маленького, но изящного дома с большими окнами тянулись крытые галереи, которые вели к флигелям. И основное и здание, и жилые пристрой-

ки для гостей украшала фигурная резьба по дереву. Правда, стены, некогда белые, слегка пожелтели. Подновить бы их, да и перилам на лестнице не помешает свежий блеск, как и мебели в доме.

От парадного подъезда, с которого гости при желании могли сразу попасть на широкую крытую веранду, отделялась тропинка. Она вела в сад, который я видела из окна. Недолго думая, я поспешила туда.

Отойдя от дома достаточно далеко, обернулась, чтобы еще раз на него полюбоваться. Он выглядел добротным, тянулся вверх острой коричневой крышей и почему-то казался мне дедушкой, который любит рассказывать внучке на ночь сказки.

Будто отзываясь на мои мысли, окна сверкнули в лучах солнца, которое появилось из-за крупного облака. Ветер зашумел кронами деревьев, принес свежий запах реки и прохладу. В этих незамысловатых звуках и запахах мне почудилось приветствие и приглашение.

Несколько раз втянув носом свежий ветер, я повернулась и, аккуратно подобрав подол столь привычным жестом, будто делала это всегда, направилась вглубь сада. Из своего окна я не видела всей его красоты, зато сейчас шла мимо отцветающих крон вишни и яблони, все еще усыпанных нежно-розовыми лепестками, то и дело замедляя шаг.

На пути иногда попадались статуи, расставленные без особого порядка. Одни выглядели совсем простыми, другие

удивляли точностью, с которой скульптор передавал детали. По пути к дорожке, выложенной белым камнем, я успела познакомиться с парочкой очаровательных каменных лебедей скульптурой Цезаря в миниатюре и грубым изваянием Фемиды – женщины с резким лицом, завязанными глазами и весами в руках.

Напротив нее я и остановилась, почувствовав, что устала идти.

– Уж не ты ли направила меня сюда, чтобы моими руками свершить правосудие? – спросила я.

Фемида сочла, что отвечать смертным – ниже ее достоинства.

Я смахнула с платья богини паука, который только принялся расставлять в складках ее одежды свою сеть, и коснулась камня. На первый взгляд он походил на мрамор, но при ближайшем рассмотрении оказался всего лишь алебастром. Но и это дорого.

Припомнила, что недавно помогала молодой коллеге, которая училась в магистратуре, вычитать статью для публикации в научном журнале. В тексте девушка анализировала предпочтения русских дворян-коллекционеров в скульптуре. Но, признаться честно, когда я читала материал, меня больше интересовало не то, какие статуи богатеи привозили в свои сады, а то, сколько стоила перевозка. Должно быть, пришлось потратить бешеные деньги, чтобы переправить скульптуры через границу? Или не менее бешеные, что-

бы раздобыть камень и нанять мастера.

Значит, мой отец – или его отец – точно не бедствовали. Надо бы выяснить, насколько. И что из семейных богатств досталось мне.

Если я действительно оказалась в России времен… судя по платью и дому, не позднее начала XIX века, то по местным законам могу свободно распоряжаться приданым и наследством. Муж же может лишь пользоваться им, но продавать или дарить – нет. Однако все права я получаю, только если отец составил опись имущества. Надо бы спросить о ней у управляющего, наверняка он что-то знает. Правда, возможно не захочет рассказывать.

Размышляя, я продолжала брести по дорожке и вскоре вышла в совсем неухоженную, почти дикую часть сада, которая постепенно переходила в рощу. Здесь я провозилась, собирая образцы коры с разных деревьев. Может, придется смешать цвета или добавить что-нибудь из приправ, если таковые найдутся на кухне, чтобы добиться такого оттенка воска, который совсем не будет отличаться по цвету от дерева.

Бродить и дальше с полными руками даров леса я не стала и оставила свои трофеи на постаменте у ног богини правосудия.

– Присмотри за этим, ладно? – я похлопала красавицу по стройной ноге и повернулась в сторону другой, почти заросшей тропинки, которая спускалась к пруду.

Вдали, за деревьями, солнце золотило слабую рябь на воде

и при виде ее веселого блеска в носу защипало. Это наверное тот пруд, из которого вытащили Сашеньку?

Несколько минут я стояла посреди поляны со статуей. Страх боролся с любопытством: хотелось и убежать от места, которое обещало подарить новые неприятные воспоминания, и выяснить, что же все-таки произошло.

Наконец, я решила, что прежняя Сашенька уже в прошлом, а я хочу смотреть на ее ситуацию с открытыми глазами, и шагнула на тропинку. Едва не поскользнулась на влажной земле и спустилась к крутому берегу, который резко обрывался в воду. Наверняка глубокую.

Поверхность пруда покрывала ряска, его блестящую гладь резали длинными ногами водомерки. Над головой заливалась кукушка, но я не стала спрашивать, сколько лет она мне отсчитает. И правильно сделала, потому что нерадивая птичья мать заткнулась, подав голос всего три или четыре раза. Я же намерена прожить гораздо дольше.

Оглядевшись, я заметила в траве туфельку. Подобрала ее и покрутила в руках. В том, что ее носила Сашенька, у меня не возникло сомнений: такую маленькую ножку попробуй еще отыщи. Но почему она лежит тут, в грязи?

Пошарив в траве, я вскоре нашла и вторую туфлю. Позабыв, что я в платье, уселась прямо под деревом и принялась рассматривать находки. Они выглядели почти как те туфли, которые я надела утром: тупоносые, совсем без каблука, с плотной подошвой. Только я выбрала голубые туфли

без украшений, на этих же красовалась вышитые жемчугом цветы на густо-зеленом бархате основы.

Красивые. Жаль, что сильно испачкались в траве и земле. Может, получится очистить?

“Быть не может… Коленька… не верю!”

Собственный, но вместе с тем далекий и чужой голос вновь раздался в голове. Наученная опытом с веером, я зажмурилась и крепко прижала к себе испачканные туфли.

Глава 6

Опустившись на траву, Сашенька рыдала. Туфли она сбросила, когда споткнулась на кочке и измазала их в в траве, они сиротливо лежали рядом с мокрым подолом платья, который неровно расстелился по земле.

Барыня плакала некрасиво: всхлипывая, навзрыд, размазывая по лицу слезы и сопли. Плакала и что-то неразборчиво шептала, глядя то на небо, то на воду.

Вдруг сзади зашуршала трава, голову пронзила тупая боль. Потом короткий полет и вот тело уже окутывает вода, мокрая ткань тянет ко дну, а руки не слушаются. Легкие горят, но вдыхать нельзя, однако приходится. И вместо воздуха грудь наполняет мерзкая горечь.

Я распахнула глаза, часто дыша, и посмотрела на туфли. Они по-прежнему выглядели заносчивыми и грязными. И теперь я размазала землю еще и по собственному платью, но сейчас мне совершенно плевать на чистоту одежды.

Сашеньку все же кто-то огрел по голове и бросил в воду. Но кто? И за что? Чем сумасшедшая девушка могла кому-то так насолить, чтобы убивать ее? Бедняга...

Я медленно поднялась, все еще чувствуя жжение в легких, которое постепенно перерастало в боль. То ли мою, то ли чужую. Боль от невероятной утраты, которая толкнула мою предшественницу на берег пруда. Может, Сашенька и в са-

мом деле думала, что хочет утопиться, но наверняка не решилась бы расстаться с жизнью, если бы ей не помогли.

Перебирая в мыслях всех, кого успела повстречать в доме, я медленно побрела обратно к статуе, хотя ноги так и норовили подогнуться. Забрала с постамента кору, и все руки оказались заняты новыми находками.

Когда я появилась у порога с охапкой коры и грязными туфлями в руках, Глафира Никитична выскочила из дома первой. Она всплеснула руками, начала кудахтать что-то про смену одежды, но я не слушала слова: ловила взгляд, наполненный облегчением. Ее явно порадовало, что моя вспышка ясного сознания прошла.

Как и управляющего, который появился вслед за ней и добродушно заулыбался, увидев меня.

Велика вероятность, что убийца где-то в доме. Что будет безопаснее? По-прежнему прикидываться дурочкой или наоборот поставить всех слуг на место? Наверное, лучше первое: так меня по-прежнему не будут опасаться, а я смогу наблюдать.

Я поддалась компаньонке. Отобрать у меня кору и выбросить не позволила, но разрешила проводить себя до будуара.

Только теперь, идя по дому, я наконец заметила странность: он был совершенно пуст. Не сновали по нему слуги, не слышались голоса и крики животных с заднего двора, о гостях и говорить нечего. Неужели все те годы, пока муж прохлаждался за границей, Сашенька жила вот так, в тишине и

одиночестве, посреди сада и леса? Кошмар какой, тут и нормальный человек с ума сойдет!

Глафира Никитична кликнула девчонку, которая принесла воды, чтобы я могла избавиться от гряди на груди и руках, и сменить платье.

Обед мне тоже подали прямо в будуар, и пока я ела, Глафира Никитична не замолчала ни на минуту.

– Видите, барыня! Мы с Владимиром Анатольевичем вам говорили, что лучше в доме остаться. И не испачкались бы, и обед бы не подстыл.

На мой вкус гречка с грибами под соусом из сметаны и укропа, густые щи и гренки с вареньем в качестве десерта холодными вовсе не были, но я промолчала, наслаждаясь едой.

– Уж теперь-то останетесь отдохнуть? – спросила старуха, заискивающе заглядывая мне в глаза. – А туфельки испорченные выбросим.

– Нет, не выбросим, – покачала головой я. – Их почистить – и будут как новые.

Что бы я сейчас ни сделала, они все равно сочтут это блажью сумасшедшей, так что можно особенно не притворяться. Может, мне даже на руку, что все считают меня девушкой не от мира сего? Попади я в тело благоразумной барыни с постоянными вкусами и привычками, их резкая перемена выглядела бы подозрительно. Но здесь все привыкли к блажи сумасшедшей, желания которой сменяются каждую минуту.

– Зачем же чистить, когда в шкафу новые есть? Супруг

ваш щедр, вам незачем в старье да обносках ходить… – продолжала гнуть свое компаньонка.

При упоминании мужа настроение резко испортилось. Заметив эту перемену, Глафира Никитична наконец замолчала.

Я же решила, что просто не стану обращать внимания на ее треп. После обеда велела Настасье унести тарелки и напомнить работникам на кухне, что мне нужна горячая плита.

Правда, когда я под причитания Глафиры Никитичны заявилась туда, плита оказалась уже почти остывшей.

– Я просила поддержать огонь в плите. Почему не исполнено? – напомнила я, холодно глядя на повара.

Мужик заметно струхнул, провел широкой ладонью по пышной бороде, пока девушки принялись складывать дрова в еще тлеющую золу.

– Виноват, барыня! – только и смог сказать повар, когда огонь в плите наконец занялся.

– Если впредь такое повторится – уволю, – беззлобно пригрозила я, но и этого мужику хватило, чтобы поклониться и заверить, что впредь он все мои указания будет исполнять в точности.

Я не слишком поверила, но поживем – увидим. А пока можно наконец взяться за дело.

Растопить воск, добавить в него рыбий клей. Сыпать пришлось на глаз, так как я понятия не имела, какими должны быть пропорции даже в случае с желатином. Зато помнила,

какой консистенции нужно добиться, и остановилась, когда даже горячий воск стал достаточно густым. Потом начались эксперименты с корой. Ее я растолкла в ступке, пока воск топился на плите. Порошок по цвету очень подходил для реставрации деревянных частей мебели, но, смешавшись с воском, он обрел светлый рыжеватый цвет.

Я обвела взглядом кухню, раздумывая, чем бы его затемнить. И только теперь заметила, что все слуги с интересом наблюдают за мной, хоть и с почтительного расстояния. Стоило моему взгляду остановиться на них, все замерли словно по струнке. И тут до меня дошло, что я даже не попыталась объяснить им свои действия.

– Чтобы мебель испорченную починить, хочу царапины залить воском, а потом еще воском отполировать, – со вздохом пояснила я. – Да только цвет не тот, видите?

Я кивнула на плошку с воском, слуги опасливо посмотрели в нее.

– Да разве ж это поможет? – с сомнением спросил мальчишка, который стоял ко мне ближе остальных.

– А чего же не поможет? – задумчиво протянул повар, снова поглаживая бороду. Смерил меня очень внимательным и слишком острым для его простодушного лица взглядом и снова посмотрел на плиту.

– Воск с клеем густой теперь, а как подсохнет, так и вовсе словно дерево отвердеет. Только правы вы барыня, мебель то в доме потемнее будет.

И девчонки, и парень взглянули на повара недоверчиво, потом снова посмотрели на меня.

– А может, шелухой ореховой подкрасить? – тихо спросила одна из них – так, что повыше, с длинной светлой косой и большими голубыми глазами.

Интересно, что она, такая красавица, тут прозябает? У такой девки и без приданого от женихов отбоя не будет: и фигура при ней, и коса, и взгляд как река.

Но предложение хорошее.

— Неси, если есть, – кивнула я, и девушка метнулась к бочкам.

Сама, не давая мне шелуху, размолола ее в ступке и с поклоном протянула мне.

– Как тебя зовут? – спросила я, принимая из ее рук темно-коричневый, почти черный порошок.

– Фекла, – отозвалась она и снова сжалась.

Да что они все так меня боятся? Неужели Сашенька и правда лупила прислугу? Если так, то прямо сейчас ничего с этим не поделаешь, но время все исправит. Поживут, увидят, что барыня больше не лютует, и сами успокоятся.

Я начала аккуратно засыпать темный порошок в воск, помешивая его, чтобы добиться однородного цвета.

– Вот, а я вам говорю, тут нечисто что-то! – крикнула из коридора Глафира Никитична.

От ее резкого голоса рука дрогнула и я просыпала часть порошка на плиту. Но я не обернулась и закончила работу.

Цвет наконец получился идеальным: мягким, теплым и густым. Только сняв плошку с воском с огня, я наконец повернулась к компаньонке. Она снова, как и в прошлый раз, пряталась за спиной старика-управляющего.

– Барыня, что же вы?! – спросил он, оглядывая кухню и повернулся к работникам, которые при его появлении вытянулись, как солдаты на плацу.

Так вот кто прислугу тут застращал!

– А вы, олухи, как посмели барыню до плиты допустить? А ежели она ручку свою белую обожжет, или маслом обольется, что вы делать будете?! Барин с вас три шкуры спустит, если узнает, что его жена, как работная девка, на кухне суетится! Тебя, Митька, Акиму прикажу выпороть, а у вас, – он повернулся к девчонкам и парню, – вычту по медяку из жалования!

А я наблюдала, не зная, что делать. С одной стороны, для своей же безопасности надо бы прикинуться дурочкой, чтобы управляющий не начал видеть во мне угрозу. С другой – повар поддержал мою идею с починкой мебели, служанка подала идею со скорлупой. Разве правильно будет просто свалить все на них? И ладно бы только штраф, но порка – это уж слишком!

– Прекратите, Владимир Анатольевич, невинных людей поносить. Мне решать, наказывать моих работников или нет. И сейчас я не вижу повода ни для штрафов, ни для плетей, – жестко сказала я.

Эх, жаль все-таки, что дурочкой прикинуться не получится.

Брови старика поползли вверх, будто заговорила не барыня, а лягушка. Он долго таращился на меня, как на восьмое чудо света, и явно не мог решить, как поступить. Наконец собрался с мыслями и снова расплылся в слащавой улыбке.

– Я не ребенок. С ножом вчера управилась, и ни царапины на руках. Управлюсь и с воском, – усмехнулась я.

– Зачем же вы ручки свои белые пачкаете? – начал он в знакомой заискивающей манере. – Прилягте лучше отдохнуть, а если что сделать надобно, то вы мне скажите, я распоряжусь. Негоже это, когда слуги столбом стоят, а барыня у плиты суетится.

Может и негоже, вот только и обратная ситуация, когда все работают, а я лежу, меня тоже не устраивает.

Управляющий побледнел, покосился себе за спину, в сторону столовой. Сглотнул, и наконец вновь выпрямился так, будто жердь проглотил.

– Ну коли так, воля ваша, – уголок его рта дернулся, будто управляющий хотел сказать что-то еще. Я напряглась в ожидании очередной выволочки или требований, но старик промолчал и повернулся к повару, чтобы обрушить свой гнев уже на него. – Проследи, чтобы с барыней ничего не случилось!

И наконец ушел. В кухне сразу стало просторнее.

Слуги повернулись ко мне и почти разом поклонились. Я

даже опешила и встала столбом, не зная, как реагировать. За что они вздумали мне кланяться, я совершенно не понимала.

– Спасибо вам, барыня, – пробасил повар за всех, не поднимая головы. – Кабы мы знали, что вы вовсе и не в беспамятстве, так и… – он вдруг замолчал, сообразив, что сболтнул лишнего, да так и остался стоять, согнувшись в поясе.

У меня закралось нехорошее предчувствие.

– Выпрямись, – велела я, стараясь не слишком давить голосом.

Все разом встали прямо, точно так же, как недавно перед управляющим.

– И расскажи ка мне, что вам Владимир Анатольевич поведал про мое здоровье.

Глава 7

– Так… – смутился повар и снова провел рукой по бороде.

– Говори. Не рассержусь и наказывать не стану, – я постаралась улыбнуться добродушно, чтобы еще больше не пугать и без того зашуганных людей.

– Говорил, что вы вы то грустны, то веселы. То спокойны, а то вдруг разозлитесь. Велел нам с кухни не показываться, чтобы своим видом вас не растревожить. И сказал – ваше повеление, чтобы в доме тихо и спокойно было, – торопливо, то и дело опуская взгляд, отчитался наконец повар. – Утром сегодня сказал, что вы давеча по дому с ножом ходили, кресла изрезали, и велел сидеть сегодня тише воды – ниже травы.

Правда это или нет, я утверждать не могу. Сашенька могла действительно болеть, но разве это повод оставлять ее одну шататься по пустому дому, словно призрак? Или еще хуже, безвылазно держать в комнате. Такими темпами и здоровый человек ума лишится!

– Только по-моему, барыня, вы нисколечки на сумасшедшую не похожи, – встрял мальчишка и широко улыбнулся.

Подхалимничает или просто дурак? Повар отвесил ему затрещину, мальчишка ойкнул и уставился в пол. Я решила пока оставить его реплику без внимания.

– Я и правда чувствовала себя неважно, но сейчас мне лучше. Хорошая еда, чистота и занятые руки помогут выздо-

роветь еще быстрее, – аккуратно ответила я.

Полностью отрицать безумие глупо. Будь с барыней все в порядке, она не позволила бы совсем отстранить себя от дел, какой бы скромницей не была. Но и давать слугам понять, что управляющий прав – значит лишиться хоть какой-то поддержки в доме.

– Чистота? – спросила Фекла, мельком взглянула на вторую девчушку – ту, что приносила мне сегодня завтрак и помогала нарядиться в платье.

Обе залились краской и опустили взгляды в пол.

– В чем дело? – так и не дождавшись комментариев к их странному поведению, посерьезнела я.

– Не велите пороть, барыня! – Фекла снова бросилась на колени и зажмурилась. Вторая девчонка – Аглая, вроде бы – бухнулась вслед за ней.

– Да я пока и не знаю, за что пороть вас. Объясните толком! – их привычка чуть что сразу падать на колени уже начала изрядно раздражать. А я в этом дурдоме только первый день!

– Не уследили мы за чистотой. Управляющий велел тут сидеть, никому не выходить. Вот мы и… – под моим задумчивым взглядом Фекла замолчала, явно приняв злость на свой счет.

– Почему вы должны были убираться? Разве вы не на кухне? Других слуг в доме нет? – поспешила уточнить я. – И встаньте уже наконец, колени себе отобьете, кто работать бу-

дет?

Конечно, про работу я добавила исключительно для убедительности. Честно говоря, просто больно было смотреть, как они с размаху падают на пол. Синяки останутся – как минимум.

– Из работников еще Никитка – он во дворе. Дорожки метет, за лошадьми и скотиной смотрит. И мы трое – вот и вся дворня, – ответил за всех повар и вздернул за руку Феклу, заставляя ее выпрямиться.

И как же управляющий при таком штате планирует готовиться к приезду барина? Как минимум мебель новую, которую мне Глафира обещала, кто-то должен занести и расставить. Убраться, приготовить, траву у парадного подъезда скосить, в конце концов. Кто всем этим будет заниматься? Не сам же он лично, в его-то годы! А за хозяйством кто следит? Если оно тут конечно есть, хозяйство это.

Вопросов все больше и больше. Похоже, долго притворяться дурой не выйдет: придется поговорить с Владимиром Анатольевичем начистоту. Пока что он явно не понимает, нахожусь ли я в очередном витке бреда, или иду на поправку, но когда поймет – кто знает, не начнутся ли на меня новые покушения?

С другой стороны, если не встречу мужа как полагается, рискую отправиться в местный “желтый дом” и что-то сомневаюсь, что он будет похож на курорт. Значит, придется действовать, не дожидаясь защиты в лице супруга.

– Б-барыня, воск подстыл, – шепнула Фекла.

Я вынырнула из задумчивости, проклиная старую привычку углубляться в собственные мысли и совершенно терять из виду все, что происходит вокруг.

Проверила плошку, воск и правда достиг подходящей консистенции.

Я окинула взглядом плошку, потом Феклу. Сама со всей мебелью в доме не справлюсь, придется делегировать. Но сначала нужен еще один инструмент.

– Ты… – я повернулась к мальчишке и поняла, что как бы ни старалась, его имя вспомнить не могу.

– Кузька, барыня, – правильно поняв мою заминку, подсказал он.

– Кузьма, значит. Сбегай ка в сарай, или к Никите, и принеси надж… пемзу, или, если нет, может хвоща сухого найдешь, или песка мелкого. Чего-нибудь, чем дерево шлифовать можно. Как найдешь – принеси мне наверх.

Мальчишка кивнул и тут же исчез в дверях.

– Фекла, ты со мной пойдешь. Как воск варить и красить, ты уже знаешь. Покажу, как трещины в мебели заделать, а ты потом остальную потихоньку в порядок приведешь.

– Как прикажете, барыня, – голос ее звучал неуверенно, но спорить она разумеется не стала.

– На ужин сделай что-нибудь посытнее, Дмитрий. С тех пор, как проснулась сегодня, я как волк по весне голодная, – доверительно сказала я повару.

Тот просиял и кивнул.

– Непременно, барышня!

Я взяла плошку с воском и направилась к спальне. Работница семенила за мной и шагала так тихо, будто боялась, что если начнет шуметь, я тут же брошусь на нее с ножом.

В будуаре я остановилась возле стула с резной высокой спинкой, который стоял у туалетного столика, выполненного не менее изящно, и поставила плашку с воском. Цвет подходил идеально!

Провела пальцем по теплому дереву, вдохнула его терпкий запах. Нет уж, слишком хорошая мебель, чтобы выбрасывать ее из-за парочки мелких царапин.

– Смотри, – я подозвала Феклу ближе, она подошла, едва дыша. – Воск заливаешь вот так, можно немного с избытком. Главное, чтобы всю щель закрыть.

Руки работали сами, служанка понятливо кивала. Да и что тут непонятного?

Я залила еще несколько царапин с бугрящимися краями. Нет, все-таки слишком уж сильные впадины для слабой женской руки. Что-то тут нечисто. Или может, у меня в качестве бонуса за вредного мужа и опасность для жизни есть какая-нибудь читерская супер сила? Было бы неплохо расшвыривать врагов одной левой и маленьким ножичком, как в дешевом боевике. Но что-то я сомневаюсь.

– Воск не должен быть слишком горячим, иначе растечется, но если слишком сильно остынет, неровно ляжет. Так что

если воск сделала, а потом отвлеклась на другие дела и он остыл, лучше сначала немного подогрей. Или если знаешь, что сразу некогда, на печь поставь, самое то будет.

Я прошлась по еще двум царапинам и переместилась к столику.

– Теперь сама попробуй, – я протянула ей тарелку.

Фекла взяла дрожащими руками, но сумела унять тремор и выполнила указание вполне ловко. Мне оставалось лишь наблюдать, как она справлялась с порезами.

Голова слегка закружилась, я присела на стул. Машинально погладила то место, где уже застывал воск, и на секунду прикрыла глаза.

“Ты не мог меня оставить, Коленька… не мог”, – плакала Сашенька, но никаких картин я не видела.

– Вам плохо, барыня? – встрепенулась Фекла, заметив, что я сижу с закрытыми глазами.

Несколько раз моргнув, я посмотрела на нее.

– Нет, устала просто с непривычки, – помотала головой я и тут же вздрогнула от громкого стука в дверь.

Кого это принесло?

– Зайди! – крикнула уверенно, уже почти не чувствуя головокружения.

На пороге появился высокий и худой, как жердь, белобрысый парень. Никита, надо полагать. Он бережно держал в руках кусок пемзы. Отлично!

– Я так разумею, вам только чуть-чуть дерево подшлифо-

вать, барыня, – сказал он и сверкнул широкой улыбкой. – Хвощ для того слишком мягкий, рубанок все испортит только. Я вот нашел. Осталась с тех времен еще, когда батюшка ваш борзых держал, мы мебель заморскую ими чистили. Ох помню, весь дом в их шерсти был, но такие уж… – он наконец замолк, поняв, что его бойкого настроения никто не разделяет.

Меня немного оглушил и громогласный голос, и слишком жизнерадостный для этого места характер парня. А может, наоборот хорошо? Наверное он жил либо на конюшне, либо в сарае, и не пропитался атмосферой тишины и почти мертвенного покоя, в котором пребывал дом.

– Погоди ты про борзых. Давай сюда пемзу, – я протянула руку, мальчишка с поклоном вложил в нее свою ношу.

Я покрутила ее в руках и кивнула. То, что надо. Но увы, не прямо сейчас. Воску понадобится еще несколько часов, а может и целые сутки, чтобы нормально затвердеть.

Я пока займусь другими делами.

– Фекла, остатки воска унеси на кухню и в печь поставь. Вечером мне сюда вернешь. И по дому пройдись, насобирай огарков, на которых еще воск остался, чтобы расплавить. И посмотри, в каких комнатах грязнее всего, мне потом доложишь. Хотя... не надо, сама пройдусь еще разок, – распорядилась я.

Она поклонилась, бережно сжимая в руках чашку так, будто это по меньшей мере золотой сосуд.

– Все исполню, барыня. Можно мне идти?

– Иди, – кивнула я и повернулась к Никите. – И нам с тобой пора.

– Куда, барыня? – опешил он, явно жалея, что задержался и не успел под шумок слинять, чтобы не получить новой работы.

– Пройдемся по заднему двору, на скотный заглянем. А заодно расскажешь мне про борзых моего папеньки, – сказала я, нехотя поднимаясь со стула.

Прилечь бы, но тот, кто ударил Сашеньку по голове и толкнул в воду, не будет ждать, пока я поправлюсь. И надо узнать, в каком состоянии дом, чтобы идти к управляющему уже с хоть какой-то информацией.

– Так вы разве сами не помните? – удивился он. – батюшка ваш до самой болезни с ними возился.

Я едва не вздрогнула, но сумела натянуть на лицо защитную улыбку.

– Собак-то помню, конечно. Только все равно послушать хочется, очень уж папенька их любил, – безмятежно ответила я.

Ни черта я вообще-то не помню. Ни борзых, ни папеньки. Только бесполезные слезы Сашеньки по какому-то Коленьке, которого она так любила, что ради него чуть сама в воду не сиганула. А мне нужны нормальные сведения о прошлой хозяйке дома и тела, чтобы перед мужем не опозориться.

– Так что там псы, бедокурили наверное? – спросила я,

первой направляясь к задней двери.

Топографическим кретинизмом не страдала, так что дорогу помнила.

– Так вот, стоило только кошке мимо шмыгнуть – гвалт поднимали страшный. Как-то раз племянница управляющего – вся такая барышня расфуфыренная, даром что лет ей было тогда всего тринадцать, с котиком к Владимиру Анатоличу приехала.

– Ах, добряк был мой батюшка. Всех привечал, – бросила я наугад и, судя по печальной улыбке Никиты, попала в цель.

– Да... И Анатолича семью на погостить, и сестер Глафиры Никитичны – те, уж не серчайте барыня, слишком его добротой пользовались, – охотно подхватил тему Никита, но тут же вернулся к рассказу. – Так вот, гуляла эта городская фифа с котенком, с рук не выпускала бедную животинку. Говорила, что во Фракии так нынче модно. Прошла мимо псарни, а я как раз Гошика вычесывал. Тот как рванул, я и удержать не успел. Повалил барышню прямо в грязь, и давай котенка вылизывать. Девка визжит, пес скулит, котенок мяучит, и посреди всего этого – перья с платья заморского так и летают!

Да уж, весело им тут жилось. Когда-то.

Заслушавшись историей, я и не заметила, как миновала дом и оказалась на узком крылечке заднего двора. Выглядел он если не удручающе, то уж точно слишком пустынно. Как и весь остальной дом, в общем-то. И даже веселый рассказ Никиты не развеивал общей унылой атмосферы.

Глава 8

– Там курочки, – Никита, выйдя вперед, повел меня вдоль почти пустых пристроек. – Там корова, дальше – стойла.

Возле курятника действительно паслись куры. Резвый петух, взлетев на ограду, вдруг разразился звонкой тирадой, то ли пытаясь нас обругать, то ли приветствуя гостей.

В загоне вяло жевала сено корова. Холеная, белая в коричневых пятнах, на вид вполне довольная жизнью. Но – всего одна. В стойле фыркали две лошадки, тоже ухоженные, но даже я, не слишком разбираясь в породах, видела, что до дорогих породистых скакунов им далеко. В пристройке с большими деревянными воротами, которые сейчас заперты на засов, надо полагать стоит без дела какой-нибудь экипаж: коляска или – в худшем случае – телега.

О назначении остальных построек догадаться было трудно: если здесь когда-то и держали больше скота, то времена эти давно прошли.

– Пусто, – вздохнула я, привлекая внимание Никиты.

– Пусто, – согласился он. – Совсем не так, как при батюшке вашем. Но и жаловаться не на что: самим хватает, вот и ладно.

Допустим, такого скромного хозяйства действительно хватает, чтобы не помереть с голоду, но на что куплены новые платья, которые висят в моем шкафу? На что заказана

новая мебель – которую, кстати, надо бы обсудить с управляющим. Чем платят работникам, если они тут не за еду? Да и управляющий должен ведь получать какое-нибудь жалование, тем более если у него есть родственники на попечении.

– Далеко ли до ближайшей деревни? – как бы невзначай спросила я, подходя к лошадям.

Погладила одну из них по широкой морде, конь фыркнул и замотал головой.

– Пешком я туда и обратно добежать могу, и солнце еще даже к земле не подступит, – замысловато ответил мой экскурсовод.

Я глянула на небо. Судя по солнцу, сейчас примерно четыре часа. Закат поздней весной в девять, значит, за пару-тройку часов мальчишка может сбегать туда и обратно. Будем считать, что в одну сторону примерно час.

– Давно там был в последний раз? – продолжила расспрашивать я и потянулась к светлой кобылке, которая косилась на меня недовольно.

– Давненько уже меня Анатолич ни за чем не посылал. Да и чего мне там делать? Мамка с батькой в другой деревне, туда и идти дольше, и надобности никакой, опять же.

Получив свою порцию внимания, кобылка подобрела и уже сама начала тыкаться мордой мне в руки.

– А сколько всего деревень в поместье? – спросила я и тут же пожалела. Чтобы хозяйка не знала, сколько у нее и чего? Глупо, наверное. С другой стороны, я после беспамятства,

мне простят дурость.

Никита вопросу и правда удивился.

– Так две и есть, барыня, – все же ответил он.

– Там, наверное, хозяйство побогаче, чем тут? – я отошла от загона и снова окинула двор взглядом.

Все же слишком уж пустой дом, особенно если учесть, что здесь ждут гостей. Наверняка ведь муж написал и управляющему с инструкциями: когда приедет, с кем, что подготовить. Не мог же он полагаться исключительно на невменяемую жену.

– Куда там? – махнул рукой Никита, идя за мной, как привязанный. – Стада в обеих деревнях есть, конечно, и хозяйства есть крепкие, да только с соседями не сравнить. И полей осталось мало. По осени рожь засевали, взошла уж наверное.

– Только на себя сеете, или на продажу что остается? – задала я последний интересующий вопрос.

– Самим бы хватило, барыня. Какая продажа? – пожал плечами Никита.

К этому моменту мы как раз вернулись на крыльцо.

– Александра Константиновна, пожалуйте обедать! – крикнула Глафира Никитична, завидев меня в окне. – В спальню вашу отнесу, как только вернетесь.

– Не хочу в спальню! Пусть в кухне накроют! – крикнула я ей.

Старуха смерила меня странным задумчивым взглядом, но спорить не стала, только задернула плотную штору.

– Иди пока, свободен, – кивнула я парню, который замер, не зная, можно ли ему вернуться к делам.

Никита уже развернулся, облегченно выдохнул и навострил ноги к сараю, но осененная внезапным воспоминанием, я снова его окликнула:

– Скипидар в хозяйстве найдется?

– Как не быть, барыня? Конечно! Принести? – бодро отозвался он.

– Не сейчас. Завтра понадобится, – я махнула рукой, давая понять, что больше его не задерживаю, и парень почти вприпрыжку поспешил скрыться с глаз, пока барыня еще чего-нибудь не придумала.

Когда я только появилась на кухне, слуги косились недоверчиво, но поняв, что я не собираюсь капризничать и жаловаться, вскоре расслабились и вернулись к делам.

Я даже не заметила, что именно жевала: настолько сильно увлекли мысли о доходах того клочка земли, который мне достался в наследство.

Выходит, здесь вроде бы не бедствуют, но поместье кормит только само себя, да и то без лишнего жиру. Деньгам на содержание усадьбы взяться и вовсе неоткуда.

Неутешительный вывод напрашивался сам собой: жизнь Сашеньки в этом захолустье, плату управляющему и работникам, и покупку всего, что могло понадобиться в хозяйстве, обеспечивал муж, некто Игорь Павлович Антониу. Как ни печально это признавать, но выходит, что супруга и правда

дорого обходится не только его душевному здоровью, но и кошельку.

Впрочем, так ли дорого? Я ведь понятия не имею, чем он владеет и какие у него доходы. Да даже титула его вспомнить не могу. Только необычную для этих мест фамилию, которая указывает на род обрусевших греков. Раз его тут называют барином, значит и у него за душой есть какая-то земля. И если уж он живет за границей, значит, либо служит при посольстве, либо у него хватает средств, чтобы там прохлаждаться. А может, и то и другое сразу: вряд ли доходов от службы хватает на приличное житье образованному человеку. В том, что муж образован, слог его письма сомнений не оставлял.

Вопросы множились, но сегодня я чувствовала себя слишком уставшей, чтобы говорить с управляющим. Все впечатления дня вдруг навалились разом, мешаясь в голове в сплошную кашу. Наверное, одну ночь я как-нибудь проведу в неопределенности по поводу своего положения и доходов, а завтра, с новыми силами, дам Владимиру Анатольевичу новый бой.

Голова снова закружилась, и я едва не ткнулась носом в тарелку наваристый щей, вкусных и таких кислых, что аж скулы сводило. Мотнула головой и поспешила выпрямиться.

– Устали поди, Александра Константиновна, – проворковала Глафира Никитична, появления которой я даже не заметила. – Побаловались сегодня и хватит, пойдемте отды-

хать. Хотите – почитаю вам газеты свежие или журналы. Сегодня утром их с почтой прислали.

При упоминании газет и журналов невольно подумалось, что подписка на них тоже оплачена из мужниного кармана. Как же непривычно! И неприятно. Никогда в жизни ни от кого раньше не зависела с тех пор, как устроилась на новую работу, а тут – будто приживалка какая-то.

Сегодняшним поведением я и так озадачила весь дом, поэтому с компаньонкой на этот раз решила не спорить. В ответ на мое согласие она наконец расслабила плечи и даже кажется подобрела. Видимо, мое поведение наконец начало вписываться в привычную ей схему и она надеялась, что рецидивов сегодняшней странной активности не будет. Я улыбнулась, представив, каково будет утром ее разочарование.

Вернулась в спальню, прихватив с печи воск. Несмотря на протесты Глафиры Никитичны, выпроводила ее из будуара, согласившись перед этим взять журналы, и рухнула в кресло. Взгляд тут же зацепился за царапины, залитые воском, и сразу вспомнилось, что мебель в спальне до сих пор стоит не обработанная.

Немного подождав, пока схлынет очередной виток головокружения, я все же поднялась и принялась за починку. Знакомая работа успокаивала, правда, на глаза то и дело попадался клок обоев, который быстро начал раздражать.

Нет, так спать точно невозможно. О мебели я хотя бы знаю, что на ней застывает воск, а этот неприкаянный клок

просто болтается. Еще и расползаться начнет, если не починить.

Разобравшись с первой задачей, я принялась искать способ решить и вторую. Осмотрела и спальню, и будуар в поисках набора для шитья, но обнаружила его не сразу. Уже расстроилась, решив, что придется снова звать кого-то и объяснять, что мне нужно, но случайно задела ручку ящичка на туалетном столике. Она тихо щелкнула, крышка массивной столешницы слегка подпрыгнула.

Я тут же подняла ее и с облегчением обнаружила множество отделений с нитками, иглами и даже маленькими ленточками. То, что надо!

Для начала выбрала иглу покрупнее и плотные темно-зеленые шелковые нити на деревянной катушке. Прихватила горсть булавок и приступила к работе. Заколола ткань, чтобы не болталась и не сбилась, и принялась за первый этап починки. Швы приходилось накладывать часто, чтобы ткань не расползалась, игла с трудом проходила через плотный слой, да и шить мне в прошлом приходилось гораздо реже, чем ремонтировать мебель. Но видимо сказалась привычка Сашеньки к вышиванию: работа шла споро. Понадобилось почти полтора часа, чтобы аккуратно вернуть кусок ткани на место, но теперь через стену шрамом тянулся заметный шов.

Меня это не устраивало.

Солнце уже начало клониться к горизонту, и я распахнула шторы, чтобы впустить в комнату больше света. Покопав-

шись в шкафу, нашла наконец шелковые ленты. Несколько пепельно-розовых, бежевых и зеленых, но гораздо светлее, чем сами обои. Однако для исполнения моего замысла эти цвета прекрасно подходили.

Выбрала из набора для шитья самую толстую иглу и не без труда вдела в ушко зеленую ленту. Занесла иглу над тканью, но потом замерла в сомнениях. Идея прикрыть шов казалась хорошей, но хватит ли мне мастерства? Вышивала я в последний раз еще на первом курсе университета, а потом стало не до того. И все же, глядя на шрам, оставленный комнате прошлой хозяйкой, не могла не попытаться. Дом, будто почувствовав мои сомнения, жалобно заскрипел ставнями окна.

Ладно, если не понравится результат – распорю. Жаль ленты, конечно, но надо хотя бы попытаться.

Я провозилась до самой ночи, благо, и после заката небо еще долго оставалось светлым. Когда в комнате стало уже слишком темно, чтобы вышивать даже крупные узоры, я отстранилась и взглянула на результаты своих трудов.

Вместо тонкого шрама шва над кроватью тянулась вязь из шелковых пионов с розовыми и бежевыми нежными лепестками, обрамленная ярко-зелеными листьями. На темном фоне полотна обоев цветы смотрелись нежно, почти беспомощно. В некоторых местах лента слегка дыбилась или завернулась, но в общей пышной композиции мелкие огрехи оказались не так уж и заметны. В общем, выглядело точно лучше,

чем некрасивый рваный край.

Правда, теперь придется делать что-то подобное и по другую сторону кровати, чтобы композиция стала цельной. А может наоборот оставить так? Асимметрия наверняка когда-нибудь войдет в местную моду.

Раздумывая, я вновь подошла к стене и провела по шершавой ткани рукой.

“Не хочу. Не трогай меня, пожалуйста”, – плакала Сашенька, на этот раз не навзрыд, а тихо, едва слышно.

Глава 9

“Александра… Саша, мы должны. Таковы правила”, – ответил ей бархатный мужской голос.

Муж?

“Я… не смогу, не надо…” – продолжала всхлипывать девочка, и ее голос стал совсем глухим.

Я зажмурилась и из темноты стали проступать неясные образы. Посреди темной комнаты, которую освещала лишь луна, стояла хрупкая девушка в кружевной ночнушке до пят. Рядом с ней – мужчина выше нее почти на две головы, в домашних брюках и светлой сорочке. Он склонился к девушке, дотронулся до ее лица.

Она отшатнулась, тишину разрезал звон пощечины.

“Вы подлец! Воспользовались дружбой с моим батюшкой, зная, что у меня в сердце другой!” – крикнула Сашенька. И откуда силы в голосе взялись, если только что едва не шептала?

Вместо ответа мужчина сгреб девушку в охапку, прижав ее руки и не позволяя даже трепыхнуться. В пару шагов достиг кровати и уронил молодую жену на перину. Тут же придавил своим телом, мешая встать, и прижал длинной широкой ладонью тонкие запястья. На щеках девушки сверкнула дорожка слез. Она тихо всхлипывала и замотала головой, пока супруг все ниже склонялся над ней.

Неужели он сейчас…

Сердце замерло, я перестала дышать, время растянулось. Одно мгновение длилось бесконечно в ожидании мучительной и болезненной для совсем еще юной барышни развязки этой неравной борьбы.

“Прошу вас… не надо”, – зажмурившись, повторяла девушка.

Но разве могли ее слова что-то изменить?

Я сжала кулаки и сцепила зубы. На миг появилась мысль открыть глаза и больше не видеть этой ужасной сцены, но я продолжала смотреть. Я должна знать, с кем имею дело.

Мужчина вдруг отстранился. Резко выдохнул и встал. Бросил холодный взгляд на девушку, которая тут же свернулась в постели комочком и попыталась спрятаться под одеялом. Взял со стола нож для писем – тот самый, ажурный – и чиркнул лезвием над большим пальцем.

Действовал муж так быстро и точно, будто всю жизнь скальпелем орудовал. Стряхнул пару капель крови на простыни и ушел. Дверью не хлопнул, но повисшая в комнате тишина звенела оглушительней любого хлопка.

Видение рассеялось, перед глазами осталась только чернота. Сердце пустилось вскачь, комната снова поплыла перед глазами и я без сил повалилась на кровать.

Он все-таки не смог. То ли пожалел бедняжку, то ли не сумел преодолеть отвращение к женским слезам. Судя по тому, каким взглядом он окинул девушку перед уходом, во второй

вариант верится больше.

Но это только одна ночь. Консумировали ли эти двое брак потом? Или Сашенька так и осталась невинной, даже выйдя замуж? Или – что будет уж совсем отвратительной подлянкой от судьбы – подарила свой первый раз любовнику, а не мужу? И поэтому так расстроилась, когда получила от него письмо о разрыве?

При этой мысли по телу пробежала дрожь омерзения: не хотелось бы разгребать последствия измены. Как бы я не сочувствовала Сашеньке, такому ее поступку даже я не стала бы искать оправдания. Особенно в том мире и времени, где контрацепции не существует.

К счастью, это пока лишь теория, ничем не доказанная.

К тому же ни о каких детях мне за весь день никто не сказал. И муж не писал о них, хотя будь у этой парочки совместный ребенок, Игорь наверняка бы не постеснялся и по этому поводу яду сцедить. Значит, детей нет. По крайней мере тех, о которых известно супругу.

Я криво усмехнулась собственному цинизму. Девочка страдала, а я тут лезу со своими практическими вопросами.

Теоретически, можно будет попытаться проверить самой. А вообще, для начала надо бы снять платье…

Уснула я, так и не раздевшись.

Проснулась от криков петуха. И когда успела сменить свою приятную мелодию будильника на это хриплое недоразумение?

Привычно пошарила рукой возле подушки, пытаясь нащупать телефон, но так его и не нашла. В ноздри ударила утренняя прохлада, слишком свежая для городской квартиры, и я начала вспоминать.

Открыла глаза, увидела знакомую уже комнату со старинной мебелью и со стоном зажмурилась в надежде снова провалиться в дрему и сбежать из этого мира в царство сна хотя бы на полчаса. Но очередной пассаж хриплого недоразумения, которое, как я теперь понимала, было вполне настоящим петухом, окончательно пробудил меня.

Пришлось подниматься и звать служанку.

Пока умывала лицо и обтирала тело влажным полотенцем, не могла перестать думать о вчерашнем видении. Даже плечами невольно дернула, представив, как бы чувствовала себя на месте прежней Сашеньки. Беспомощной, слабой, да еще и бесправной до кучи.

Преисполнившись решимости сегодня же вечером проверить, завершилась ли в итоге консумация брака, я нарядилась в платье – на этот раз живенького пепельно-розового цвета – и выкинула ситуацию из головы до следующей ночи.

Первым делом проверила, как застыл воск. Постучала пальцем по одной из трещин, поскребла ее ногтем. Безрезультатно. Конечно, залитые трещины отличались от основной поверхности дерева и по текстуре, и матовым блеском, но цвет все-таки удалось подобрать правильный: когда отшлифую и отполирую, изъяны будут почти незаметны.

Фекле, которая сегодня помогала мне с платьем, я велела собрать завтрак на кухне. Она уже убежала, когда я принялась осматривать мебель. Убедившись, что все вышло по плану, собиралась отправиться вслед за ней, но дорогу мне решительно преградила Глафира Никитична.

Что ж, новый день – новый бой.

– Опять вы за свое, барыня? – всплеснула руками старуха. – Вчера вот избегались до того, что уснули не раздевшись, и сегодня опять куда-то несетесь. Нет, так не пойдет, голубушка! Вы надорветесь, а я барину что потом скажу? Не уследила за его женой, до смерти заморила работой?

Я стояла уверенно и прямо, всем своим видом показывая, что на заморенную усталостью никак не тяну. На слова компаньонки не возражала, и она постепенно сама стихла, заметив, что ни увещевания, ни причитания, ни имя мужа – чтоб ему икалось – на меня не действуют.

– Пойдемте завтракать, Глафира Никитична, – сказала я, когда старуха наконец заткнулась, и решительно направилась к двери.

Компаньонке ничего не оставалось, кроме как последовать за мной.

Повар оказался предусмотрительнее меня и накрыл не на кухне, как просила, а в столовой, на двоих. Мебель здесь избавили от чехлов, девочки уже успели вытереть пыль хотя бы с самых очевидных мест. Две чайные пары на длинном столе, за которым могли уместиться по меньшей мере пят-

надцать человек, выглядели сиротливо. Но это лучше, чем есть в постели, будто умирающая. Никогда не понимала этой "романтики" есть там же, где спишь. Не в хлеву же живем, в самом деле.

Подойдя к стулу, я заметила, что и на нем царапины уже аккуратно залиты воском. Точно так, как я учила.

Ай да молодец Фекла! Осталось только сделать то же самое во всем остальном доме. И наверное, рук девочек для этого не хватит. Мне придется помочь им самой. Или может, нанять в деревне кого-нибудь еще? Но чтобы это сделать, надо выяснить, сколько у меня денег, и эта дорожка снова ведет к управляющему.

– Кушайте, барыня, – проворковала Глафира Никитична, подкладывая мне на тарелку очередной блин.

Вырванная из своих мыслей звуком ее голоса, я слегка вздрогнула и подняла взгляд. Компаньона старательно натянула на лицо улыбку, которая удвоила количество морщин на и без того мятом лице. Но взгляд ее остался холодным, так что у меня дрожь по плечам пробежала.

– Барин приедет скоро, вам поправляться надо. Будут силы и лад в семье, так глядишь, и детки здоровые родятся. Вы поди за два года уж соскучились в пустых-то комнатах? – продолжила она, почувствовав, что молчание затягивается.

Я так удивилась ее вопросу, что даже перестала жевать вчерашний блин. Старуха же сверлила меня внимательным взглядом. Интересно, какую реакцию она хочет получить в

ответ?

Угадать мне не удалось, пришлось действовать вслепую. Хоть мысль о совместной ночи с мужем ставила поперек горла желчный ком, показывать я этого не стала.

– Вы правы, Глафира Никитична. Жаль, что боги раньше детишек не дали, – с притворным смирением посетовала я.

Губы, которые старуха по-прежнему растягивала в приторной улыбке, на миг скривились, но лицо тут же вновь стало добродушным. Но брови удивленно поползли вверх. Однако старуха ничего не сказала.

Не угадала. Интересно, как надо было отреагировать? Может, стоило показать отвращение? С учетом того, что я видела вчера, вряд ли сама Сашенька когда-нибудь хорошо отзывалась о муже. И уж наверняка ее не воодушевляла перспектива делать с ним детей.

Прокол, но ладно, на будущее учту: для прислуги ее отношения с Игорем видимо не секрет.

– Вы себя не вините, Александра Константиновна, куда вам было успеть? – компаньонка накрыла мою ладонь своей и доверительно заглянула в глаза. – Аккурат после свадьбы письмо из посольства пришло. Смешно сказать – всего месяц под одной крышей прожили, и муж за границу укатил, супругу оставив. Может, и к лучшему оно, что детишек тогда не прижили: они бы уж год как отца не знали.

Всего месяц, часть из которого наверняка занимали заботы Сашеньки о больном отце. Сомневаюсь, что за это время

Игорю удалось как-то изменить мнение жены о супружеском долге. Сомневаюсь, что он хотя бы пытался.

Этот вопрос прояснился, но остался другой: какими были отношения Сашеньки с ее возлюбленным. Как говорится, кот из дому – мыши в пляс. За два года случиться могло очень многое. Об этом компаньонка вряд ли мне расскажет.

После завтрака я велела девочкам растопить еще воска, на этот раз без примесей, а сама вышла во двор.

– Никита! Скипидар готов? – крикнула я, как деревенская баба, на весь двор.

Вихрастая голова парня выглянула из-за двери сарая.

– Готов, барыня. Нести?

– Неси, – кивнула я.

Пока он бегал, вернулась к девочкам на кухню.

– Аглая, вы с Никитой, как придет, смешаете воск со скипидаром. В чашку вот столько примерно вылить, – я взяла стакан и показала на нем пальцем, сколько воска требуется. – Как закончите, несите мне наверх. И присмотри, чтобы он дом не топтал. Лапти дай другие, если есть.

Девочка понятливо кивнула, не отвлекаясь от помешивания воска.

– Фекла, ты со мной пойдешь. Вчера хорошо трещины в столовой залила, теперь научимся шлифовать и полировать, – скомандовала я.

Пока мы шли, я чувствовала, как за спиной скапливается напряжение, но какое-то время списывала это на собствен-

ную паранойю. Однако оглянувшись, заметила, что Фекла жмется сильнее, чем обычно.

– В чем дело? – спросила я, остановившись.

– Простите, барыня, но в столовой не я трещины заливала, – пискнула она и сжалась в ожидании удара.

В общем-то я и не велела ей делать это сразу. Вообще сроков никаких не ставила и планировала назначить время работы позже.

– А кто постарался? – уточнила я спокойно, давая понять, что не сержусь.

Девчонка невербальный сигнал считала и даже немного расправила плечи.

– Никита. Сказал, что дел у него в пустом дворе нет, в доме помочь хочет. Очень уж ему вчера интересно было, что из вашей затеи выйдет, – уже смелее сказала она.

Так вот у кого в этом доме руки из плеч. Может, ему и передать эту задачу? Инициатива, в конце концов, наказуема. А девочек отправить вымывать дом.

С другой стороны, парадный подъезд к дому кому-то надо в порядок привести. Эх, рук не хватает. Раздам задания и немедленно пойду к управляющему, нам с ним много о чем предстоит поговорить.

Пока я прикидывала план действий, мы уже добрались до будуара.

– Смотри и запоминай, потом и Никите покажешь. Сначала пемзой по дереву аккуратно потри, до гладкости. Вот так.

Я подошла к стулу и начала мягкими круговыми движениями обрабатывать место, где пучилась заживленная воском ранка на гладком дереве. Поверхность постепенно разгладилась, я провела по ней рукой, стряхивая мелкое крошево и убеждаясь, что не осталось мелких сучков.

– Вот, потрогай и почувствуй, какое гладкое дерево. Именно такое должно получиться.

Фекла послушно провела рукой по спинке стула.

– Совсем как новое, барыня! – удивленно пискнула она. – Только бледное.

Именно в этот момент Аглая принесла экспериментальную партию жидкости для вощения. И тряпку прихватить догадалась, хоть я ей и не приказывала.

– Никита сказал, что полотенцем сподручнее втирать будет, – заметив мой удивленный взгляд, протараторила Аглая и протянула мне серую тряпку, которая на полотенце не тянула.

Так. У меня еще и ревизия кухонной утвари намечается. Если там все полотенца такие, то в придачу и еще одна статья потенциальных расходов. Голова уже пухнет, а день только начался.

– Правильно сказал. А сам он где?

– Лапти новые искать пошел, чтобы в доме не топтать. Раньше-то он на господскую часть и не заходил…

В этот момент Никита появился за дверью, сверкая любопытным взглядом. Порог будуара не переступал. Наверное

и сам тот факт, что он сюда заглядывает, уже неприличный, но парню явно было любопытно. Ладно, пусть смотрит. Если уж я его сразу не прогнала, то теперь это уже бессмысленно.

Аглая тоже уходить не спешила.

– Вот именно, дерево побледнело, и теперь надо отполировать. Для этого нам и нужен воск со скипидаром. Совсем чуть-чуть берем и аккуратно натираем.

И я снова принялась за работу, радуясь, как ребенок, когда под рукой дерево наконец начало обретать приятный матовый блеск. Такой же, как и остальная, неповрежденная часть мебели.

– Ого, – Фекла стояла, выпучив глаза.

– А я говорил, что получится, – Никита толкнул Аглаю в бок, та замахнулась на него, но не ударила.

Я повернулась к Фекле, вручила ей тряпку и пемзу.

– Теперь сама пробуй, сложного тут ничего нет.

Мне оставалось только наблюдать, как работница ловко повторяет мои движения.

– Отлично! То же самое с остальными трещинами сделай. И в будуаре, и в спальне, там я тоже с вечера воск заливала. А для вас, – я повернулась к Аглае и Никите, – другие дела есть.

Оставив скромную работницу заканчивать ремонт, я выпроводила двух других любопытствующих в коридора.

– Ты, Аглая, сегодня на кухне, – сказала я и тут же как ветром сдуло.

– Никита, тебя за инициативу хвалю, только надо было мне сказать, что ты решил мебелью заняться.

Парень понурился, но кивнул.

– И раз взялся, работу надо сделать до конца. Сегодня с мебелью в столовой закончи и не трогай больше ничего. Я сама потом скажу, какая комната следующая.

Никита радостно кивнул и собирался исчезнуть, как Аглая минуту назад, но я его остановила, припомнив слова Феклы.

– Еще траву у парадного подъезда скосить надо. Как с мебелью закончишь, этим тоже займись.

Он понурился, но все же возражать не стал. Отлично: теперь времени прохлаждаться у него не будет. А мне пора навестить управляющего. Тем более что старик и сам спешил ко мне, размахивая на ходу какими-то бумагами.

Глава 10

Я натянула на лицо вежливую улыбку, пытаясь придумать, как реагировать. После того, что я вчера вычудила, притворяться безликой тенью себя самой и дальше уже не получится.

– Александра Константиновна, как приятно видеть вас в добром здравии второй день подряд! – крикнул управляющий издалека, все еще потрясая бумагами.

– Благодарю, Владимир Анатольевич. У вас ко мне какое-то дело? – не желая тратить время на светские церемонии, я кивнула на бумаги.

– Вы сразу к делу… – немного растерялся старик. Похоже, планировал повести беседу по другому руслу.

– Что у вас там? – спросила я и протянула руку.

Управляющему ничего не оставалось, кроме как вручить мне бумаги.

– Я подумал, что раз наша хозяйка выздоравливает, самое время познакомить ее с делами, – елейно улыбнулся старик и даже ногой шаркнул.

Мне бы радоваться, что не пришлось выбивать из него право распоряжаться собственным имуществом, но во всем происходящем чувствовался какой-то подвох. Но я пока не могла понять, в чем он заключается.

Взглянув на бумаги, обнаружила счета и сходу запуталась

в цифрах.

На новую мебель, на оплату слугам, на наем новых к приезду барина, и еще какие-то, суть которых я сразу не поняла. Спасибо хоть язык в этом мире русский, с чтением у меня проблем не было.

– Может, побеседуем в кабинете? – спросила я, а когда управляющий протянул руку, будто желая забрать бумаги, отступила на шаг.

Нет уж, теперь я эти счета не выпущу, пока в них не разберусь.

По лицу Владимира Анатольевича пробежала тень, но он тут же скрыл ее за очередной улыбкой. Что-то все сегодня слишком уж ко мне добры, это навевает еще больше подозрений.

– Да-да, конечно, – поспешил согласиться он и повел меня на второй этаж.

Я ни разу здесь не была и удивилась контракту обстановки. На втором этаже полы устилали простые деревянные доски, стены были побелены, но явно давно и ремонт по-хорошему следовало обновить. Второй этаж будто достраивали после того, как завершили основную часть дома, иначе бы господские спальни находились здесь, а не внизу. Впрочем, пристройка выглядела добротно, хоть ей требовалась как минимум уборка. Но чьими руками эту уборку обеспечить, если из дворни в доме всего две служанки, которые работают и горничными, и уборщицами, и помогают на кухне?

– У меня скромный кабинет, но надеюсь, вас это не оскорбит, – сказал старик таким тоном, будто на самом деле надеялся, что я даже порог переступать не захочу. Подпишу бумагу и оставлю его в покое.

Ошибался.

Я вошла в распахнутую передо мной дверь и осмотрелась. Полки с учетными книгами, стол и стул, сколоченные прочно, но просто. Запас бумаги, чернильница, документы на столе. Ситцевые занавески на окнах когда-то были голубыми, но от въевшейся в них пыли приобрели буроватый оттенок. Ковер на полу тоже давненько никто не чистил.

Действительно местечко не для впечатлительной барыни. Как хорошо, что я не она.

Я уселась на низкую пыльную софу, предоставив управляющему самому решить, где ему расположиться. Он выдвинул из-за стола стул и сел почти напротив меня, так, чтобы нас не разделяла столешница.

– Вот, счета нуждаются в вашем одобрении, – он кивнул на бумаги в моих руках.

Я наконец смогла углубиться в чтение.

Оплата слугам – по полушке в день, за месяц на человека – по семь с половиной медяка. Тут вопросов у меня не возникло. Далее управляющий собирался нанять мне горничную, ей предлагал платить по медяку в день.

Интересно, а почему при безумной барыне раньше не было никакой горничной? Вчера я не обратила внимания, но

сегодня мне казалось странным, что каждый раз приходилось звать кого-то из кухни. Видимо, перед приездом мужа управляющий собирался соблюсти приличия. А может, прежняя горничная просто не выдержала чудачеств барыни и ушла? Как бы выяснить, не навлекая на себя слишком уж много подозрений?

Далее – расходы на новую мебель. Вот они то мне и не понравились. Новый столовый гарнитур, новые диванчики и стулья для моего будуара, кресла – для других комнат. В общем, полная замена меблировки. В общей сложности – на пятьсот серебряных рублей. Не многовато ли? Неужели во всей округе нет мастера, который смог бы починить те небольшие дефекты, с которыми я и сама неплохо справилась?

– Расходы на мебель вычеркивайте. Ее вполне можно починить, ни к чему тратиться, – сказала я.

Поднялась, окинула взглядом стол. Взяла перо и вычеркнула расходы на мебель собственной рукой.

Управляющий побледнел.

– Но как же так, барыня? Сами ведь хотели, чтобы мебель, при которой гости свадьбу вашу праздновали, всю из дома убрали, – ожидаемо начал протестовать он.

– Перехотела. Я в беспамятстве была, нам обоим это известно. Теперь прихожу в себя, но как бы ужас от этих расходов не заставил меня вновь повредиться рассудком. Вы ведь этого не хотите? – с нажимом спросила я.

Управляющий вздрогнул, но снова скрыл эмоции за приторной улыбкой, которая уже начинала порядком раздражать.

– Шутить изволите, барыня! Мы все конечно о вашем здоровье денно и нощно молимся, и что вы в сознание возвратились для всех тут большая радость. Вот только починенная-то мебель всяко хуже новенькой. Мы уж и новую заказали у Никифора Потапыча. Лучший завод в губернии, между прочим! Неужто вы не хотите интерьеры обновить? Он обещал расстараться: и вензельки, и позолота, и черепаховый узор – все по самой новой моде! – ворковал управляющий, пытаясь отобрать у меня перо.

Я поморщилась, представив, что вместо изящной и лаконичной мебели, которая стоит в комнатах сейчас, в доме появятся вычурные и кричащие вещи. При всей своей любви к старине никогда не понимала барокко, особенно русское: слишком аляповато на мой плебейский вкус.

– И много ли он успел сделать? – уточнила я, но перо и бумаги из рук не выпустила.

– Почитай все закончил уже, через три дня обещался доставить, – резво ответил управляющий, видимо решив, что я сдалась.

Я же просто выбрала другую тактику.

– Допустим. И на что же мы собираемся оплатить эту роскошь?

Управляющий захлопнул тонкогубый морщинистый рот и

часто заморгал. Да уж, Сашеньку наверняка мало интересовало, откуда берутся деньги. Вопроса он явно не ожидал, но вновь довольно быстро справился с собой.

Кулак зачесался подправить его елейную улыбку, но бить пожилых людей нехорошо. Да и вообще людей бить – так себе идея.

– Не волнуйтесь, Александра Константиновна, расходные заботы я возьму на себя. Вам, как обычно, останется только подписать разрешение на продажу того старья, что от папеньки от вашего осталось, – преувеличенно беззаботно махнул рукой старик.

Это что же там за барахло такое, что его можно на пятьсот рублей напродавать? Причем судя по словам управляющего, продажей этого "старья" усадьба зарабатывает не впервые. А раз управляющему нужно мое письменное разрешение, значит именно я – полноправная хозяйка этих вещей.

– Нет, Владимир Анатольевич, давайте не будем торопиться. Если мебель так хороша, как вы говорите, то ее быстро распродадут. А прежде чем что-то еще продавать, я хочу взглянуть на вещи, которые мне от папеньки остались, – чем дольше я говорила, тем больше становились глаза управляющего.

Он уже не мог скрыть удивление: я явно вела себя совершенно иначе, чем прежняя Сашенька. Настолько, что он окончательно растерялся.

– Но… позвольте, неужели ручки свои будете пачкать о то

старье? Барин покойный – будь милостив к нему подземный отец – ни в грош их не ценил. Нам повезло, что нашелся чудак-покупатель, который их задорого взять готов. Ох уж эти столичные моды на редкости… – затараторил старик.

– Я все же взгляну. Где опись моего наследства? – вклинилась в его речь я, уловив в ней паузу на вдохе.

Управляющий снова захлопнул рот и вытаращился на меня.

– Барыня, помилуйте! Вы в прошлый раз, как наследство увидели, так окончательно в беспамятство и впали. Супруга не узнавали, посуду били, страсть что в доме творилось! Поберегите себя! – запричитал он, встал со стула и чуть в ноги мне не бухнулся.

– Сядьте на место! – от неожиданности рявкнула я.

Управляющий плюхнулся на стул, снова дернул уголками губ, но и на этот раз сумел взять себя в руки. Набрал в грудь воздуха для новых возражений, но я заговорила первой.

– Сколько у усадьбы средств, если не брать в расчет продажу отцовского, как вы выразились, старья?

Управляющий пожевал губы, его взгляд на миг стал отсутствующим.

– Сто рублей серебром прислал с последним письмом ваш супруг, еще двадцать осталось с оброка, который платили крестьяне осенью, – наконец сказал он.

Значит, остальные триста восемьдесят управляющий планировал выручить с продажи “старья”. Что же там все-таки

такое? Я определенно должна на это взглянуть! И проверить приходно-расходную книгу, чтобы убедиться, что управляющий мне не лжет.

Но пока – счета.

Я снова опустила взгляд на записи.

Итак, за вычетом мебели: новые работники – числом пятеро, на них около сорока рублей за месяц. Съестные припасы, по долгому списку которых я скользнула лишь мельком. Все равно не понимаю, действительно ли там все нужное. Может, у Дмитрия спросить? Повару то виднее, чего и сколько надо. Дальше – пара новых платьев для меня, запас свечей, бумаги и чернил, кое-какой инвентарь для двора – вернее, его металлические части. Древка, надо полагать, крестьяне в состоянии сделать и сами. Всего сто с лишним рублей.

– Свежее постельное закупать не планируем? – уточнила я, потому что ждала появления и этой графы в расходах, но так и не увидела ее.

– Зачем же? У супруга вашего в соседнем имении текстильная фабрика. Там и лен ткут, и изделия из него всевозможные. Оттуда и пришлют, – неподдельно удивился моей неосведомленности он и окинул меня подозрительным взглядом.

Он явно не понимал, что со мной происходит. Эх, если бы я сама еще понимала. Зато теперь я знаю, что постельное в моей спальне все-таки льняное. Небогато, зато практично.

Висок прострелило болью, но я стиснула зубы и снова пробежалась по счетам еще раз.

– Вот и хорошо. За вычетом мебели меня пока все устраивает, – я отложила бумаги. – Но прежде, чем подпишу, покажите мне приходно-расходную книгу.

Удивление на лице управляющего уже читалось крупными буквами, но беспокоиться ему явно было не о чем, потому что книга тут же легла на стол.

– Вот, извольте видеть, все в полном порядке, – самодовольно улыбнулся старик. – Уж службу свою я знаю.

– Нисколько не сомневаюсь в вашей честности, Владимир Анатольевич, – поспешила заверить старика я, пока он не вздумал обидеться на недоверие. – Но я прежде совсем не интересовалась делами, а если и смотрела что, то уже не помню.

Улыбка управляющего на миг искренне потеплела, но – всего на миг.

Я пролистала книгу, беглым взглядом выхватывая самые крупные суммы.

Дохода с самого имения среди них не оказалось. Похоже, оно продолжало существовать только благодаря поддержке Игоря. Суммы которой, кстати, и оказались самыми значительными.

Пересчитав их на современные деньги, я присвистнула: выходили вполне неплохие деньги, которые тратилась в основном на поддержание дома в относительно приличном ви-

де. Судя по записям, даже большую часть продуктов закупали у соседей. Из города для Сашеньки заказывали и кое-какие милые вещицы вроде того столика с откидной крышкой. Видимо, чтобы поддержать привычный ей уровень комфорта хотя бы в спальне. Однако мебели за последний год было закуплено куда больше, чем могло уместиться даже в три моих небольших в общем-то будуара. Да и платьев – на четыре моих шкафа.

– Куда все это делось? – спросила я, указывая на строки расходов.

Управляющий снова сбледнул.

– Так вы же сами, Александра Константиновна, велели ломать и выбрасывать. Платья резали и в печь бросали, – промямлил он.

Да неужели?

– Хоть убейте, Владимир Анатольевич, я этого не помню, – улыбнулась я.

Управляющий вздрогнул. Подозрительно! Уж не он ли лично Сашеньку камнем по голове приложил?

Я прикусила язык: осторожнее надо быть в выражениях. В своем мире я могла гордиться прямотой характера, здесь же это скорее недостаток, в моем случае еще и опасный.

– Да как же не помните? Вы ведь кричали еще, что… – он запнулся, сглотнул и замолчал.

– Что кричала? – с нажимом спросила я. – Я тогда своим словам была не хозяйка, отвечайте.

– Говорили, что раз супруг ваш пожелал взять вас в жены, то пусть… “раскошеливается”, – последнее слово он выдавил из себя с заметным трудом.

Я вздохнула, прикрыла глаза и потерла пальцами виски. Лоб обручем сдавила боль.

Да уж… если все правда происходило именно так, то я возможно начинаю понимать мужа Сашеньки. Ему ведь наверняка докладывали обо всем, что происходит в доме. Тот же управляющий, а может и Глафира Никитична. Но что если не совсем так? Я то не помню. Воспоминания возвращаются лишь в тот момент, когда я прикасаюсь к починенным вещам, а того имущества, о котором мы говорим, уже нет. Даже обломков. Хотя надо бы у Никиты спросить. Может, хоть слугам хватало ума что-то отложить на будущее. То, что не совсем испорчено и можно пустить на мебель для себя или еще на какие-нибудь нужды?

Голова пухла все сильнее.

– Дайте ка мне чистую тетрадь, – потребовала я.

Управляющий вытащил из шкафа стопку плотно переплетенных листов в кожаной обложке. Я взяла перо, заняла стул, на котором он только что сидел, и склонилась над ней, пытаясь собрать мысли в кучу.

Закончить ремонт мебели, распределить работу между новыми слугами, проверить наследственное “старье”, внимательнее изучить расходную книгу…

Голова снова закружилась, и я чуть не ткнулась носом в

еще не просохшие чернила.

– Барыня, ну что же вы так себя не бережете? – всплеснул руками управляющий, входя в привычную роль. – Идите отдыхать, счета никуда не денутся. Ежели желаете, с мебелью потом разберемся.

Отдыхать да отдыхать… заладили все как один. Им конечно удобнее, что больная барыня в собственном доме как пленница сидит, только меня это не устраивает.

Кстати о болезни.

– Доктору сколько заплатили? Я записи в расходной книге не заметила, – уточнила я, выпрямляясь.

Комната еще немного покружилась перед глазами и вещи наконец встали на свои места.

– Так… не вызывали, барыня, – промямлил старик.

– Почему?

Глава 11

– Барин не велел, – быстро ответил Владимир Анатольевич.

Вот значит как!

Я, очнувшись, отсутствию лечения не удивилась. Сама привыкла при болезни дома отлеживаться, по больницам особо не бегала. А стоило бы: может, подольше прожила бы в прежнем теле. Но не вызвать врача к жене, которая едва не утонула – это же каким извергом надо быть?

С другой стороны, если здесь лечат так же, как в моем родном мире в позапрошлом веке – кровопусканием и пиявками – то врач бы меня только добил. Так что спасибо, дорогой супруг, что решил меня со свету сжить. Если бы не твоя забота, так Сашенька может тоже к праотцам бы отправилась.

Лицо мое, наверное, стало очень уж пасмурным, потому что управляющий склонился надо мной и затараторил:

– Доктор коли приедет и узнает, в каком вы были состоянии, тут же рекомендацию выпишет на пребывание в.. особом учреждении. И вся округа узнает, что барыне хуже стало. Пока вы тут, под нашим приглядом, слухи ползут конечно, да только пока медицинского заключения нет, это все пустое. А Игорь Павлович, да хранит его небесная праматерь, не велел вас из дому никуда отправлять, покуда сам не вернется.

Ага, понятно. При мертвой жене он почтенный вдовец, а при сумасшедшей – человек с сомнительной репутацией. Вряд ли это полезно для хороших отношений с покупателями его льна, да и для положения в обществе в целом. Честь важнее здоровья безумной супруги. С точки зрения логики я его даже понимаю, но в крови закипает ярость, стоит только подумать, каково Сашеньке – одной, без нормальной поддержки и без общества сверстниц – жилось тут целых два года.

Козел! Только покажись на пороге, я все жилы из тебя вытяну, ими же и удавлю.

Я решительно захлопнула тетрадь.

– Со мной все хорошо, отдохну вечером. А пока – давайте сюда опись наследства.

Управляющий хотел возразить, но, столкнувшись с моим взглядом, промолчал. Ох чувствую, наживаю я себе тут врага. Надо бы ночами дверь в комнату запирать и одной по саду не ходить: мало ли чего.

Может, безопаснее было бы прикинуться дурочкой, но я просто не могу позволить себе ломать комедию в такой ситуации. Руки так и тянутся навести порядок.

Я ожидала, что управляющий даст мне несколько документов, но он положил на стол целую толстенную книгу.

– И опись того, что раньше продали, тоже дайте, – запоздало добавила я.

Управляющий по-старчески крякнул и полез в пыльный

сундук. Скрипнули ржавые петли, и вскоре рядом с книгой появилась стопка счетов. Описи никакой не было, но Саша подписывала доверенность на продажу вещей из своего наследства. Ну хоть что-то.

Я открыла книгу, вдохнула запах застарелой пыли и бумаги, потерла глаза и снова углубилась в чтение.

Сначала шло подробное описание самой усадьбы: сколько комнат, из чего построена, какие пристройки в округе. Потом земли. Две деревни, пятьдесят крепостных душ – и это только мужчины. Участок леса, насктолько маленький, что пользы от него никакой, пахотные поля – чуть богаче, но все же – сто сорок десятин. Не разгуляешься, если учесть, что в моем родном мире мелкими считались помещики – владельцы меньше 100 душ и 100 – 500 десятин земли. При таком имуществе Сашенькина жизнь должна быть гораздо скромнее, скорее похожа на сельскую, крестьянскую. Но в усадьбе отличная мебель, восковые свечи, да и еда вполне приличная. И все это – за средства супруга.

Решив пока сосредоточиться на знакомстве с имуществом, а не на подсчетах, я вернулась к тексту. Самое интересное начиналось уже после описи земель и дома: очень подробный перечень самых разных предметов.

"Вазы из китайского фарфору с лазоревой росписью – 3 штуки. Аромантица персидская, стеклянная - 1 штука. Циновки японские, бамбуковые – 10 штук. Коллекция монет русских, до правления царя Ивана IV отчеканенных…" – по-

следняя графа с описью каждой – абсолютно каждой! – монеты. И длинные-длинные столбцы с перечнем. Встречался как откровенный хлам вроде старых стульев, так и старинные картины, античные статуэтки, жемчужные украшения.

Да тут же целое состояние! Грязное, сваленное где-нибудь в сарае и наверняка большей частью разбитое.

Сердце защемило при мысли, что все эти предметы лежат забытые, в пыли, в то время как они могли украсить частную коллекцию. Да что там, они и есть частная коллекция, и судя по тому, с какой скрупулезностью описана каждая безделица, отец Сашеньки прекрасно это понимал. В отличие от управляющего.

Потрясающее небрежение!

– Барыня, плохо вам?! – встревоженно спросил управляющий.

Я снова вздрогнула. Перестанут они меня дергать, или нет? Подумать спокойно не дают.

– Мне прекрасно! – ответила я и поднялась. Настолько резко, что голова вновь закружилась. Когда же это наконец пройдет? – Хочу посмотреть на все это.

Но стоило сделать шаг, и комната снова закружилась. Что ж за невезение такое?

– После обеда и посмотрите, – расплылся в добродушной улыбке управляющий.

Его плечи, прежде напряженные, опустились.

Что ж, рухнуть посреди грязного хлама я не хотела, поэто-

му согласилась отложить ревизию. Однако опись и расписки о продаже вещей забрала в спальню с собой. Уходя из кабинета, чувствовала на спине тяжелый взгляд, но отказалась от помощи, выпрямила спину и гордо удалилась.

Глафиру Никитичну, которая принялась причитать надо мной, тоже пришлось выпроваживать из комнаты, и только оставшись в одиночестве, я смогла наконец выдохнуть. Села за книгу, чтобы изучить ее подробнее, но буквы плясали перед глазами. Пришлось отложить и эту работу.

Я заперла документы в трюмо и упала в кресло. Стоило немного посидеть, как мозги встали на место, и я тут же решила вернуться к делам. Ошибочно: малейшее движение снова заставляло комнату плясать вокруг меня, ноги подкашивались.

Может, это адаптация к новому телу? Если бы я страдала от последствий утопления или сотрясения, симптомы бы появлялись более регулярно, а не вспышками. С другой стороны, симптомы появлялись почти каждый раз, когда я узнавала что-то важное о прошлом Сашеньки. Наверное, это не спроста.

Какой бы ни была причина, время слабости оставалось только переждать. Чтобы сделать это с пользой, я забрала веер, который так и лежал возле кровати, и нити с иглой из богатых запасов моей предшественницы.

Покрутила в руках порванное полотно, прикидывая, как лучше исправить. Выходило, что так же, как и стену: пере-

крыть шов какой-нибудь вышивкой. Ничего оригинальнее ветви сакуры я не придумала, поэтому решила воссоздавать на голубом полотне ее. Правда, сложность заключалась в том, что полотно оказалось накрепко приклеено к каркасу. Шить в тех местах, где ткань прилегала к кости, было невозможно. С другой стороны, именно это и спасло вещь от окончательной порчи: Сашенька ткнула ткань ножом пару раз, но длинный надрез сделать не могла.

Пара часов работы – и будет готово, заодно и отдохну. Главное, сделать вышивку достаточно тонкой, чтобы она не мешала складывать веер.

Руки быстро привыкли к работе, в голове немного прояснилось. И лишь сейчас я вспомнила странные слова управляющего, на которые прежде не обратила внимания: Сашенька, если верить ему, окончательно помутилась рассудком именно после того, как увидела наследство.

Но почему? Неужели увидев свое скромное придание подумала, что отец оставил ее без гроша? Хотя он, наоборот, завещал ей, кажется, все самое ценное, что у него было. Может в надежде, что она это сбережет, а может, чтобы могла продавать по необходимости – кто теперь знает?

Но уж если не прежняя Сашенька, то я точно восстановлю все, что удастся. Может даже выделю флигель, чтобы расставить все эти вещи. Жаль, что не могу оформить их как музейную коллекцию и брать плату за вход – наверняка здесь не поймут такого подхода к делу. Но это ведь не значит, что

“старье” надо бросать. Как ни печально признавать, но оно действительно может стать моим капиталом, если муж потребует развод с безумной женой, от которой у него к тому же за два года брака нет детей.

Возможен ли в этом мире развод? Я бы судить не бралась. Местные славили каких-то подземного отца и небесную праматерь. Я конечно не знаток религии, но ничего подобного в своем мире не помнила. Значит, местная вера – явление уникальное. И надо бы с ним познакомиться, ведь именно церковь заведует вопросами брака и развода. Но где найти время, чтобы навестить местный храм?

Чем дольше я думала о делах, тем активнее они множились. Ни рук, ни головы на все это не хватит! Да еще и угроза нарваться на очередное покушение то и дело прогоняла по плечам зябкий страх. Мне отчаянно требовалась помощь, но где ее найти, если ни управляющему, ни компаньонке я не доверяю? А больше в округе никого и нет.

За размышлениями я и не заметила, как пролетело время. Опомнилась только в тот момент, когда срезала нитку с зашитого веера. С обычным вышиванием я справилась лучше, чем с крупными лентами. Я сложила аксессуар, снова расправила. Нити оказались такими тонкими, что легли как надо. Дорогие, наверное. И купленные, опять де, на деньги мужа, чтоб ему икалось.

Оглянувшись на окно, поняла, что потратила без малого три часа: солнце давно перевалило через зенит и склонилось

к горизонту.

– Ну вот, потратила на тебя кучу времени, – сказала я веру, любуясь результатами своей работы. Теперь птицы не просто летели по небу, а будто вспорхнули с тонкой ветви, усыпанной нежно-розовыми мелкими цветами.

“Подходи, покупай! Из самого Чжунго диковинки!” – вдруг зазвенел в ушах зычный голос зазывалы.

Я прикрыла глаза, и перед ними тут же расцвел яркими красками прилавок. Вазы, перья, изящные писчие предметы, амулеты с китайскими иероглифами, бумажные фонарики. Больше половины вещей – явная подделка, но чернильница в виде жабы, распахнувшей крупный рот, блестящий шелк, спрятанный подальше от глаз обычных зевак, и круглые расшитые золотом подушки – явно настоящие. Или как минимум более качественные, чем все остальное.

Вокруг зашумела незнакомая речь, но явно не китайская. Базар жил, кричал, дышал, пах специями, кожей и красками, и эта какофония кружила голову. Приятно и вовсе не так, как кружили голову мои нынешние заботы.

“Сколько возьмешь за этот веер?” – спросил низкий бархатный голос, от глубины которого под ребрами прокатилась приятная дрожь.

Он говорил на незнакомом мне языке, но я каким-то непостижимым чудом понимала смысл слов.

Я не видела мужчину, который спросил цену. Только прилавок и его руки. Длинные ладони расправили костяные рей-

ки, изящные пальцы прошлись по узору: птицам, вспорхнувшим в закатное небо.

“Сотня драхм – и забирай”, – бойко отозвался торговец.

Тот, кто держал в руках веер, знал – это настоящий грабеж. Но присмотрелся к бледно-синей ткани, к резным костяным рейкам и решил, что даже если это подделка, то столь искусная, что будет достойным подарком из заграничной поездки.

Видение потеряло краски и наконец померкло, я открыла глаза.

Может, его выбирал для дочери отец? Я не видела, но будто сама вещица с гордостью поведала – покупатель даже не торговался.

– Ах ты тщеславный красавец, – усмехнулась я и провела по резьбе на кости пальцем.

Веер отозвался приятным теплом.

Странно. Прежде я видела только воспоминания, связанные с самой Александрой. Но может это оттого, что прикасалась к ее вещам? Получается, дело не в памяти. Дело… в вещах?

Я не успела об этом как следует подумать: снаружи раздался бодрый стук копыт.

Кого это принесло?

Из своей комнаты я не видела парадного подъезда, поэтому поспешила во двор, чтобы проверить. Слабость уже прошла, и я так торопилась, что только выйдя на порог поняла:

до сих пор сжимаю в руке починенный аксессуар.

Солнце припекало, и я раскрыла его, радуясь собственной рассеянности. Обмахнулась им и огляделась.

Незваным гостем оказался красивый юноша, примерно ровесник Сашеньки, в поношенном сюртуке и на усталой лошади. Старик-управляющий крепко обнимал его и что-то тихо говорил, сам же юноша вертел головой с растрепанными от быстрой езды светлыми волосами. Заметив меня, расплылся в очаровательной – практически ангельской улыбке.

– Александра Константиновна! – ахнул он и, вырвавшись из объятий управляющего, подбежал ко мне.

Бухнулся на колено прямо на землю и, схватив мою руку, прильнул к ней губами.

– Я так рад видеть свою благодетельницу! – голосом, полным восторга, пропел он, но заметив мой недоумевающий взгляд, тут же изменился в лице. – Неужели после того глупого письма вы решили навсегда меня позабыть? Нет, не говорите этого, вы разобьете мне сердце!

Опомнившись наконец, я вырвала свою руку из его цепких холодных пальцев.

– Что вы себе позволяете? Поднимитесь немедленно, это неприлично. Владимир Анатольевич, кто этот человек? – я повернулась к управляющему и с хлопком сложила веер.

– Это ведь Николай, племянник мой по младшей сестре. Неужто вы забыли? – торопливо ответил старик, снова растягивая губы в мерзкой приторной улыбке.

Николай… Коленька? Тот самый?

Осознав наконец, кто именно пластается передо мной по земле, я задохнулась от возмущения. Веер потребовался уже не как аксессуар.

– Меня оболгали! То письмо писали не от моего имени, Александра Константиновна. Ни в ком, кроме вас, я никогда не искал покровительницы своего искусства. Лишь вы – моя прекраснейшая муза…

– Какая еще муза? – в который раз за день рявкнула я, да так, что "Коленька" отшатнулся. – Прекратите говорить непотребные вещи. Я замужняя женщина!

Николая понурил голову и выглядел таким расстроенным, будто сейчас зарыдает.

За деревьями послышался стук копыт, но я отметила его лишь мельком и тут же снова уставилась на гостя.

– Понимаю, вы злитесь на меня, вы имеете полное право, но позвольте объясниться… – мямлил расстроенный влюбленный.

Он уже успел вытащить из кармана платок, от которого пахло приторным одеколоном, и прикладывал его к нежным розовым щекам, больше приличествующим ангелочку с фасада безвкусного дома.

– Я не злюсь. Я лишь не желаю больше вдеть вас. Убирайтесь отсюда немедленно, – процедила я, отступая на шаг от бывшего возлюбленного Сашеньки.

Это же надо быть таким наглецом: приперся сюда, да еще

зная, что я живу одна. Если слухи пойдут по соседям, я уже не отмоюсь. Хотя… скорее всего слухи уже идут, ведь Сашенька, судя по всему, увлечена этим "ангелом" не первый год.

Ничего ответить мой страдающий "поклонник" не успел. Из-за поворота, скрытого деревьями, выехал экипаж, запряженный двумя лошадьми. Поначалу я приняла его за карету, но крупные габариты и ящики для поклажи на крыше дали понять – это дормез. Просторный и вместительный, для дальних путешествий, в нем можно даже спать в пути. Разглядывая его, я на миг позабыла о неудачливом любовнике. Подозрительно богат на гостей сегодняшний день.

Экипаж остановился неподалеку от нас. Краем глаза я заметила, что на крыльцо наконец вышла и Глафира Никитична. Стоило кучеру осадить лошадей, как дверца открылась и из салона лихо выскочил мужчина. Высокий и стройный, с загорелой кожей и россыпью каштановых кудрей. Он привычным и изящным жестом перехватил трость и хмуро осмотрел двор. Я застыла под острым взглядом темных глаз, который казался еще тяжелее под прямыми густыми бровями.

В мгновение оценив обстановку, мужчина иронично улыбнулся, насмешливо приподнял брови.

– Так то вы встречаете супруга после двух лет разлуки, дорогая! Мне льстят ваши старания, но право, ради меня одного не стоило затевать целое театральное представление. Я

сыт ими еще с самого отъезда из Антиквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.